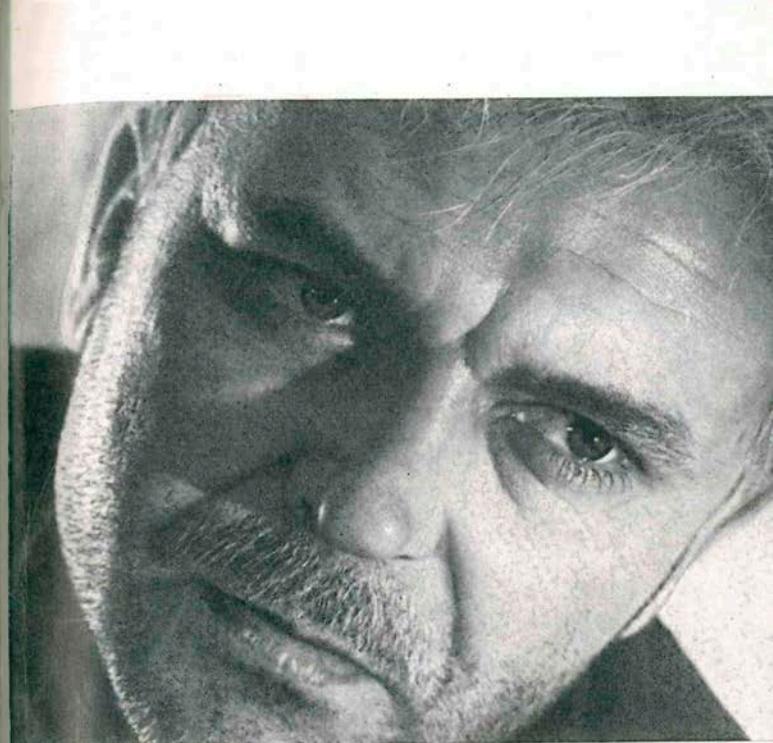

ИСКУССТВО

Судьба человека

Федор Федорович Шахмагонов родился в 1923 году в Калуге. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького и впоследствии Высшую дипломатическую школу. Работал в Радиокомитете, в иностранном отделе газеты «Известия», в «Комсомольской правде». В 1947 году был принят в члены КПСС. Ф. Шахмагонов — автор нескольких рассказов, романа «Тихие затоны», изданного в 1954 году.

По сценариям, написанным совместно с Ю. Лукином, поставлены фильмы «Судьба человека» («Мосфильм») и трехсерийная кинокартина «Поднятая целина» («Ленфильм»).

Юрий Борисович Лукин родился в 1907 году в Москве. После окончания Московского университета, с 1930 года, работал редактором в Государственном издательстве художественной литературы. В этот же период стал выступать как литературный критик. В 1941 году ушел на фронт добровольцем, с дивизией народного ополчения. В те годы началась газетная работа — сначала в военной печати, затем

Ю. ЛУКИН
Ф. ШАХМАГОНОВ

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Сценарий
по рассказу Михаила Шолохова

Издательство «ИСКУССТВО»
Москва, 1962

Федор родился
Окончил
имени
стии
школу.
в иност-
вестия»,
В 1947
КПСС.
скользких
затоны»

По
местно
фильмы
фильм»)
тина «
фильм»)

Юрий
в 1907 г.
чания
с 1930
в Гос.
художес-
же пери-
тературе
ушел на
визией
годы на
сначала

ОТ РАССКАЗА К ФИЛЬМУ

Рассказ о том, как создавался тот или иной сценарий, как снимался тот или иной фильм, не всегда представляет общественный интерес. Все сказано, все выражено в фильме, и если зритель уходит из зала с ощущением того, что авторы картины чего-то недосказали, чем-то погрешили против жизненной правды и красоты, то никакие авторские воспоминания и объяснения не восполнят упущенного.

Рассказ о том, как рождался фильм «Судьба человека», особенно интересен тем, что у колыбели этой картины стоял Михаил Шолохов.

Давно ждет своего исследователя тема «Шолохов и советский кинематограф». Советские мастера кино, можно сказать, шли за писателем по пятам. На протяжении всего лишь двух десятков лет дважды экранизировались с разных эстетических позиций романы Михаила Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Трехсерийным фильмом «Тихий Дон» Сергей Герасимов широко раскрыл двери кинотеатров для новых встреч

Фед
родился:
Окончи.
имени
стии
школу.
в инос
вестия»
В 1947
КПСС.
скольк
затоны:

По
местно
фильм
фильм
тина
фильм

Юр
в 1907
чания
с 1930
в Гс
художе
же пе
терату
ушел в
визий
годы и
сначала.

шолоховских героев со зрителями. На экране ожили шолоховские образы, зазвучал сочный диалог писателя, глубокий драматизм дал возможность многим актерам сыграть в полную меру своего таланта. Развернулись на благодатном художественном материале таланты Петра Глебова и Элины Быстрицкой, родились как киноактриса Зинаида Кириенко и как режиссер Сергей Бондарчук.

Еще раз в кинематограф влилась могучим и живительным потоком настоящая художественная литература, подчеркнув, что основой фильма остается литературный первоисточник. Ни режиссерская выдумка, ни опыт и мастерство кинооператора ничего не могут сделать на слабой драматургической основе, на бледном, невыразительном лексическом материале. Бесполезным становится талант и актера, когда ему приходится участвовать в разработке нежизненных, надуманных коллизий.

Рассказ «Судьба человека», как это очень хорошо помнят читатели, был опубликован в новогодних номерах газеты «Правда» он тронул и взволновал сотни отзывчивых сердец.

Я не буду утомлять читателей этой статьи выдержками из писем к Шолохову с впечатлениями от рассказа. Хочется упомянуть об общем их духе, о том, что роднило между собой людей самого различного обра-за жизни, самых различных профессий. В письмах отмечались прежде всего жизненная правда шолоховского рассказа, его огромный гуманизм. Этим рассказ и покорил миллионы читателей, которые находили в судьбе Андрея Соколова свои судьбы или судьбы своих близких.

Через несколько дней после опубликования рассказа руководители Министерства культуры обратились к

Шолохову с предложением подумать над возможностью создания кинофильма «Судьба человека». Разговор происходил по телефону. Предложение было в какой-то степени внезапным, Шолохов категорически отказался, сказав, что он не видит никакой возможности претворения рассказа в кинофильм.

В те первые дни января 1957 года соображения Михаила Александровича казались убедительными. Он прямо заявил, что материала в рассказе на полнометражный фильм нет, что дописывать рассказ, дополнять его для сценария он не намерен. Но это было не главное в мотивах отказа. Шолохов, не будучи кинематографистом, силой своего воображения все же и тогда видел, каким может быть этот фильм.

— Тяжко, тяжко для кино. В прозе — это легче. Нельзя так давить на зрителя... Это ушло в прошлое, мы разбередим старые раны.

Шолохов, несмотря на все изобилие юмора в его творчестве,— художник трагического склада. Этого невозможно не увидеть, читая не только его крупнейшие и теперь всемирно известные произведения, но и даже его ранние рассказы. Он это всегда знал и всегда носил в душе опасения, а не слишком ли он этим давил на читателя, где та мера, о которой всегда должен помнить художник. Именно этой заботой о чувстве меры, именно опаской, что фильм о судьбе Андрея Соколова омрачит зрителя, объясняется тот первый отказ от экранизации рассказа.

Вполне вероятно, что на этом судьба «Судьбы человека» в кино и закончилась бы, если бы читатели и кинозрители сами в нее не вмешались.

12 января 1957 года Михаил Александрович пригласил меня и давнего друга писателя Ефима Николаевича Пермитина в станицу Вешенскую на охоту.

И первый же вечер в вешенском доме вернул нас к «Судьбе человека». По радио транслировался этот рассказ. Читал народный артист СССР Сергей Лукьянин. Михаил Александрович сам включил радиоприемник, чтобы с чужого голоса уловить языковые слабости в рассказе. На столе расстелил полосу «Правды», положил под руку отточенный карандаш. Но чтение большого актера захватило и автора «Судьбы человека». Лукьянин прекрасно прочитал рассказ, его голос, когда им произносились слова Андрея Соколова, был до потрясения проникновенен. Я уверен, что именно в эти минуты родилось у Шолохова то решение фильма, которое определило его тональность, его доходчивость, окрылило Сергея Бондарчука на создание одной из его лучших ролей.

Когда кончилась передача, Михаил Александрович продиктовал благодарственную телеграмму Лукьянину.

Вечерами, в свободное от охоты время, мы с Пермитиным разбирали депутатскую почту Михаила Александровича. Шел поток писем, и все о «Судьбе человека». Редким было письмо, где не было вопроса: а будет ли по рассказу сделан фильм?

Просматривая эти письма, Михаил Александрович задумался и вдруг проговорил:

— А что? Может быть, и правда фильм получится? Разлив, бурая гладь Дона, деревья в воде. Течение в полную воду сильное. Водой клонит и треплет дикую яблоню. Над яблонькой гудят пчелы. И вот таким голосом, как читал Сергей Лукьянин, Андрей Соколов говорит: «И за что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что исказила?» Только не давите, дайте зрителю и вздохнуть. Тяжелая будет картина.

Михаил Александрович в этот же вечер предложил мне объединиться с Лукиным в работе над сценарием

по «Судьбе человека». Немедленно был заказан телефонный разговор с Москвой. Лукин согласился.

Позади у нас была работа над первой серией «Поднятой целины»; после того как картина «Судьба человека» вышла на экран, были созданы вторая и третья серии, написан для киностудии «Ленфильм» сценарий «Они сражались за Родину», но все, что связано с экranизацией этого рассказа, осталось неповторимым и по тому участию, которое принимал Шолохов в этой работе, и по тем задачам, которые стояли перед нами

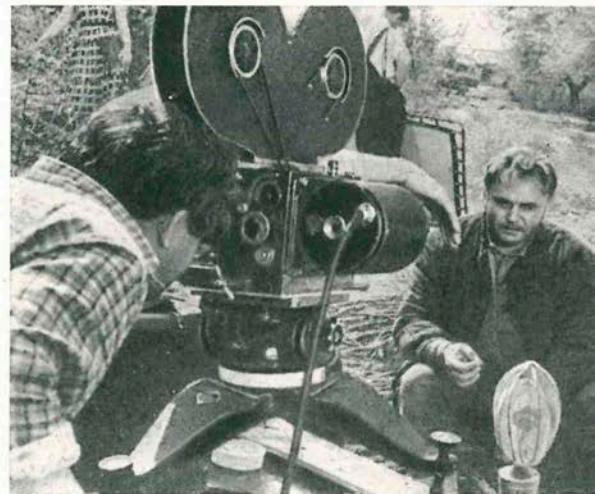
Экранизация классического произведения несет в себе всегда определенные трудности, связанные не только с переводом повествования на язык кинематографа. Рассказ «Судьба человека» был опубликован в «Правде» и не один раз передавался по радио. Все крупнейшие издательства выпустили его отдельным изданием. Читатель — это тот же зритель. Он по-своему принял, по-своему понял художника. В сознании читателя Андрей Соколов уже жил своей жизнью.

Малейшее расхождение с Шолоховым в толковании образа грозило катастрофой. Ну и, скажем прямо, ткань шолоховских образов была соткана столь прочно, столь мастерски, что нигде не нуждалась в доделке. И вместе с тем кинематограф все же требовал операционного вмешательства в прозу Шолохова. Если «Поднятая целина» подавляла авторов фильма обширностью материала, избытком положений, характеров, если в работе над экranизацией этого романа нам представлялась возможность отбора сюжетных переплетений для кинематографа, то в «Судьбе человека» требовалась драматургическая разработка лаконичных сцен, а также ощущалась и необходимость в разрисовке того фона, на котором должна была пройти перед зрителем жизнь Андрея Соколова.

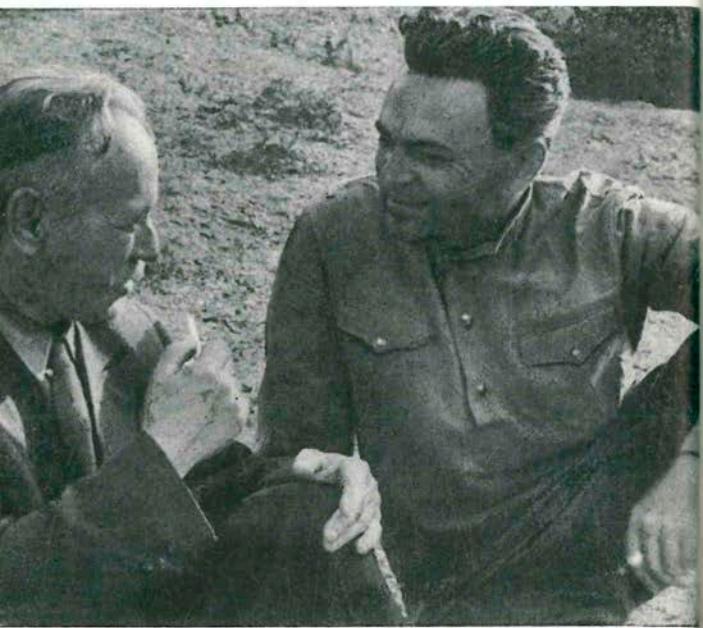
На «Мосфильм» идею экranизации рассказа «Судьба человека» приняли с холодком, если не сказать большего. Большинство мастеров студии высказывалось в том духе, что рассказ не дает основы для фильма. Некоторые режиссеры даже подводили под это соображение теоретическую базу. «Нельзя,— говорили они,— лирический монолог Андрея Соколова перевести на язык кинематографа. Фильм утонет в условности жанра». За постановку взялся народный артист ССР Сергей Бондарчук. Тогда он еще не значился в штатных списках «Мосфильма» режиссером. Самостоятельно ставить фильмы было давней мечтой Бондарчука. Свой дебют в роли режиссера-постановщика он решил начать с «Судьбы человека», невзирая на все, что говорили на студии о невозможности создания такого фильма. Он сразу же включился в работу над сценарием. До сих пор для меня работа Бондарчука остается образцом творческого сотрудничества постановщика со сценаристами.

Много было раздумий, сомнений. Достаточно сказать, что работа над экранизацией, над созданием сценария по готовому литературному произведению заняла почти год. Было написано несколько вариантов сценария. Один из вариантов был полностью опубликован на страницах «Литературной газеты», и все же творческие поиски продолжались. Особенно большого труда потребовали эпизоды, в какой-то степени дополнявшие сюжетную канву рассказа, проистекающие из шолоховского намека, но построенные не на шолоховском тексте.

Осенью 1957 года Шолохов приехал в Москву. У нас с Лукиним появилась возможность показать Михаилу Александровичу один из вариантов сценария.

Рабочий момент

М. А. Шолохов приехал на место съемок фильма.

Позади остались сборы материалов, встречи с бывшими военнопленными, изыскания, поиски кинематографической формы и, наконец, те дополнения, которые мы решились сделать в сценарии по сравнению с рассказом. Признаться, мы шли на эту встречу не без волнения.

Здесь уместным будет сказать об отношении Михаила Александровича к работе кинематографистов над его произведениями и о выработавшейся у писателя собственной линии в этом деле.

С. Ермолинский и Ю. Райзман рассказывали в свое время о работе с Шолоховым над сценарием «Поднятая целина». Я приведу небольшую выдержку из их рассказа.

«Наша первая встреча с М. Шолоховым произошла в августе, когда писатель приезжал в Москву на сессию Верховного Совета СССР. В его лице мы нашли активного творческого участника и руководителя работы над сценарием. Мы ни разу и в дальнейшем — в процессе нашей общей работы — не столкнулись с авторской «ревностью» к написанному тексту и даже к созданным писателем образам. М. Шолохов всегда с охотой сам подсказывал те изменения в положениях и образах, которые лучше и ярче выражали кинематографическое содержание романа».

Именно так было и с нами. Нас даже поначалу обескуражило «равнодушие» Шолохова к сценарию. Но равнодушие это было кажущимся. Шолохов вообще чужд к поискам мелких авторских огехов, если это не относится к языку. Серого, приструженного, невыразительного языка он не терпит. Большой художник, он привык охватывать всю вещь целиком, весь ее стиль, всю ее тональность. За мелочами следить не его дело, хотя если он заметит неверную деталь, услы-

шил фальшивый звук в диалоге, реакция будет мгновенной и разящей.

Нам были сделаны некоторые замечания. Для Шолохова было важно другое — найдена ли картина, перешел ли рассказ из одной плоскости в другую. На титульном листе сценария появилась его виза. И только после этого началась его работа со сценаристами, режиссером, кинооператором и актерами.

Все организационные трудности, все трудности, связанные с позицией руководителей киностудии, перестали для нас существовать. Шолохов поверил в сценарий, поверил в Бондарчука как в режиссера и активно вмешался в судьбу фильма. И опять мы с Лукиным и Сергей Бондарчук по наивности ждали окончательного разговора, поэпизодного разбора сценария. Но Шолохов считал, что работа над фильмом — дело авторов фильма, все дело со сценарием он передоверял сценаристам, но вместе с тем сделал все возможное, чтобы мы вошли в обстановку, в которой жили и действовали его герои, в которой писался рассказ, в которой создавалось настроение писателя.

Но главным источником, из которого мы черпали до бесконечности, был сам Михаил Александрович. Максим Горький как-то говорил, что творчество есть память, что в процессе работы писателя воспоминания играют главную роль. У Шолохова выдающаяся память. В сочетании с писательской фантазией она делает его потрясающим рассказчиком.

Многие из человеческих судеб, о которых пришлось услышать от Шолохова, казалось бы, не имели никакого отношения к истории Андрея Соколова. Но было в них одно общее — у всех у них был один автор, и эти устные рассказы вводили в строй мыслей писателя, подсказывали, как смотреть на окружающие явле-

ния его глазами. Такая форма помощи сценаристу была куда эффектнее любого разбора сценария автором рассказа.

К весне 1958 года сценарий был закончен. Картину запустили в производство. Михаил Александрович Шолохов пригласил Сергея Бондарчука и Владимира Монахова в станицу Вешенскую.

Приезд на Дон Сергея Бондарчука совпал с приглашением в Вешенскую Сергея Герасимова. Вместе с Герасимовым в гости к Шолохову и вешенцам ехали Петр Глебов, исполнявший роль Григория Мелехова, Зинаида Кириенко (Наталья Мелехова) и Вадим Захарченко (по роману и фильму верный ординарец и друг Григория — Прохор Зыков).

Встреча в Вешенской Сергея Бондарчука и Сергея Герасимова не была случайностью и не была также хозяйственным, для удобства, объединением гостей. Эта встреча была задумана Шолоховым как продолжение все той же (употребляя любимое слово Михаила Александровича) «допомоги» Бондарчуку.

Шолохов считал, что немалую службу сослужит режиссеру-постановщику не только знакомство с Доном, но наблюдение за реакцией вешенцев на просмотр третьей серии «Тихого Дона».

Для Сергея Герасимова это был праздник. Он показывал фильм самым заинтересованным зрителям, может быть, даже многим участникам и свидетелям тех событий, которые легли в основу романа. Для Сергея Бондарчука это было началом душевного общения и с природой Дона и людьми, близкими по духу героям Шолохова.

Самолеты приземлились в Вешенской около четырех часов дня, а в пять часов в Доме культуры начался первый сеанс третьей серии «Тихого Дона». И до

самого отъезда группы С. Герасимова целыми днями шла демонстрация фильма при переполненном зале. У кинотеатра стояли «газики», грузовые машины, повозки. Люди приезжали из дальних хуторов, по бездорожью, переправлялись на лодках через Дон. Успех картины у земляков Шолохова был полный.

Для Сергея Бондарчука эти встречи были школой. Школой серьезного отношения к шолоховской образной системе, так близко и горячо принятой к сердцу народом, школой реалистического отношения к материалу. Все это могло быть известно художнику, но здесь, в Вешенской, именно в эти дни такого тесного общения с народом, с тем массовым зрителем, который своей численностью во много раз превышает зрителей в Доме кино, Бондарчук искал те пути, которые дали ему возможность сделать картину «Судьба человека» истинно народным произведением.

Авторы сценария вместе с Бондарчуком и Шолоховым выбирали в эти дни места для натурных съемок.

Рассказ «Судьба человека», а также и литературный сценарий начинаются с описания величественной донской весны. Встреча Андрея Соколова с человеком, которому он рассказал историю своей жизни, могла произойти где угодно и когда угодно. Когда Бондарчук выбирал на Дону место для натурных съемок, на студии и даже в съемочной группе раздавались предостерегающие голоса. На Дон весной, дескать, трудно проехать, трудно доставить громоздкую киносъемочную технику, можно найти разлив и в более доступных местах.

Да, действительно, много есть в России мест, схожих с верхним Доном, но только схожих. Есть особая красота, присущая Дону, в нависших отвесными скалами меловых горах, в лозняке, прочно опутавшем

корнями невысокие берега, в промытых волной песчаных отмелях, на которые во все лето не ступит нога человека, в широких и стремительных разливах.

И все же не только желание достигнуть точности пейзажа звало режиссера на Дон, нет. Настроение, запев всего фильма — вот, что диктовало необходимость идти на определенные трудности в натурных съемках. Близость к автору рассказа, к окружающей его обстановке, к возможности уловить строй его творчества.

Шолохов прочитал режиссерский сценарий, им были сделаны отдельные указания и поправки, он помог группе в организации киносъемок, побывал на съемочной площадке, а главная его помощь пришла через любовь к нему народа, через ту искренность, душевность, с которой раскрывались люди перед авторами фильма по шолоховскому рассказу.

На этом, собственно, можно было бы и закончить рассказ о том, как появился на экране Андрей Соколов. И не автору сценария следовало бы говорить о том впечатлении, которое произвел фильм на Шолохова. Но я это делаю со спокойной совестью, ничуть не опасаясь обвинений в нескромности или в саморекламе. Создание фильма — дело коллективное. Это тот вид художественного творчества, где как равные работают художники самого различного профиля и в сплаве их усилий и мастерства рождается картина.

Просмотр состоялся на студии «Мосфильм», в очень узком кругу. Присутствовали только родные Шолохова и руководители съемочного коллектива.

Зажегся свет. Шолохов очень сдержанно, могло показаться, что даже холодно, прощается с Бондарчуком и Монаховым и быстро выходит из зала.

Бондарчук, Монахов, дирекция «Мосфильма» рас-

теряны. Откуда эта необычная для Шолохова сдержанность, этот холодок, торопливость? Не провал ли? С каким чувством уходит автор? Может быть, он не принял картины и образы на экране вступили в непримиримое противоречие с образами, которые жили в представлении писателя?

Мне пришлось ехать в одной машине с Шолоховым. Он все так же был молчалив. На Арбате попросил шофера остановиться. Мы вышли и пошли пешком.

И вдруг молчание прорвалось.

— Беспощаден Сергей. Так ему и передай. Беспощаден, а может быть, здесь так и нужно было? Я сам до сих пор не могу выхроматься... Слезы душат...

Ф. Шахмагонов

На темном экране возникает надпись:
ШЛА ПЕРВАЯ ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА...

Степной простор под высоким небом. В блеклой синеве проплывают белые облака.

Вьется дорога. По дороге, сбегающей с холма, движутся две фигуры — широко шагает сутуловатый мужчина в ватнике, сбоку от него, держась за полу ватника, семенит мальчик лет пяти-шести: Андрей Соколов и Ванюшка.

Лениво шевелит ветерок трепещущие листовой верхушки ольхи, осыпает с цветущих яблонь цветы... Едва слышна песня:

За лесом, за рощей,
В зеленом саду,
За речкой за быстрой —
На том берегу...

Соколов и Ванюшка уже ближе. Они спускаются к прибрежной полосе песка.

Мутные, бурые воды широко разлившегося Дона.

У берега на поваленном плетне сидит человек и, покорясь тишине и одиночеству, бездумно следит за проплывающими над ним облаками, вслушивается в мерный шум воды и весеннего леса.

Неподалеку от плетня виден старенький «виллис». Ванюшка подбегает к машине, кричит:

— Папка, машина!

Соколов берет мальчика за руку, подходит к человеку, сидящему на плетне.

— Здорово, браток!

— Здравствуй,— отвечает тот, пожимая большую черствую руку.

Соколов наклоняется к Ванюшке.

— Поздоровайся с дядей, сынок.

Мальчик смело протягивает ручонку незнакомцу.

— Что же это у тебя, стариk, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?

Ванюшка прижимается к его коленям, удивленно приподнимает белесые бровки, глядит ему в лицо светлыми, как небушко, глазами.

— Какой же я стариk, дядя? Я вовсе не стариk, а вовсе мальчик, а руки холодные — камушки... собирал...— Он достает из кармана горсть голышей.

Смеется Соколов.

— Беда мне с этим пассажиром...— Он снимает со спины тощий вещевой мешок, ус-

тало присаживается на плетень.— Широко шагнешь, а он уже на рысь переходит. Вот и идем с ним враздробь, как конь с черепахой. А ты что же, браток, свое начальство ждешь?

— Да приходится ждать.

— Не знаешь, скоро ли паром подойдет?

— Часа через два.

— Порядком,— замечает, вздохнув, Соколов.— Ну что же, пока отдохнем... Спешить мне некуда... А я иду мимо, гляжу: свой брат шофер загорает, дай, думаю, зайду, перекурим вместе — одному-то и курить и помирать тошно.

— Закуривай вот, только подмокли они.— Незнакомец указывает на папиросы, расположенные для просушки на плетне.

— Ну, брат,— отвечает Соколов,— табак моченый, что конь леченый, никуда не годится...

— Это верно.

Соколов достает из кармана штанов свернутый в трубку кисет, разворачивает его.

— Давай-ка моего крепачка закурим.

— Хорошее дело.

— Вот.— Соколов протягивает незнакомцу бумагу и махорку. Озабоченно оглядывается.

Играет на песке Ванюшка.

Мужчины закурили.

— Ты что ж,— спрашивает Соколов,— всю войну за баракой?

— Почти всю.

— На фронте?

— Да,

«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»

Соколов выламывает из плетня сухую хворостинку, молча водит ею по песку. Потом говорит:

— Ну и мне там, браток, пришлось хлебнуть горюшка по ноздри и выше...

Ванюшка уже подошел сюда. Стоит и слушает разговор взрослых. Соколов поправляет ему шарф, потеплее укутывает шею. Ласково подталкивает мальчика, говорит:

— Пойди, милок, поиграйся возле воды.

Ванюшка убегает к реке. Вдогонку слышен голос Соколова:

— Только, гляди, ноги не промочи!

Проводив глазами сынишку, Соколов смотрит на небо, на облака, проплывающие в синеве...

Неоглядный поток, затопивший пойму. Стоят в воде деревья. Река тормошит нежный ствол буйно расцветшей дикой яблоньки, падают в воду лепестки ее цветов, плывут по течению.

Голос Соколова. Иной раз не спиши ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь...

Прямо на нас устремлен взгляд Андрея. Глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть...

— ...За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила?

Лицо Соколова в это время надвигается в кадре до очень крупного плана. Мощно и резко вступает оркестр. После первых тактов увертюры появляется надпись;

Вступительные титры на фоне вначале быстро, потом все медленнее движущегося пейзажа. Затопленный лес. Вьются воронки. Исчезают, опять появляются ниже по течению. Бурлит вода у подножия рослых деревьев. Проплывают на экране то темные, то просвеченные солнцем уголки прибрежной чащи. И всюду весенние воды.

Титры заканчиваются.

На экране Соколов. Он рассказывает:

— Поначалу жизнь моя была обыкновенная. Сам я уроженец Воронежской губернии, с тысяча девятьсотого года рождения... В гражданскую войну был в Красной Армии. В дивизии Киквидзе. В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. Ну, через год вернулся с Кубани... Родные померли...

Соколов сильно затягивается. Дымок самосада застилает его лицо, весь экран.

* * *

Расплювающееся вначале изображение становится все яснее.

Ирина и другие девушки смотрят снизу вверх на стройку дома. Молодой Андрей Соколов обтесывает стропила.

— Это вы что же,— балагурит он с девушками,— принимать работу пришли? Не для тебя ли, красавица, хоромы строим? — улыбаясь, обращается он к Ирине.

Не получив ответа, продолжает:

— Не тебе ли, царевна, дворец-то?

— Я к дворцам не привычная, — говорит Ирина. — В детдоме росла. Мы — поглядеть.

Улыбка сходит с лица Андрея. Он стучит топором. Потом уже по-другому, внимательно вглядывается в лицо Ирины. И она смотрит ему в глаза.

* * *

Таёт это изображение. Так же постепенно возникает другое.

Соколов и Ирина идут вдоль забора по заросшей травой улице.

— И у меня, Ира, — рассказывает Соколов, — отец с матерью и сестренкой — тебе ровесница была бы — померли... от голода.

Доносятся переборы гармони. Соколов прислушивается.

— Иван Тимофеевич играет, — говорит он. — Бригадир наш. Душевный старик...

Некоторое время идут молча. Затем Андрей продолжает:

— Так что я тоже остался один. Родни хоть шаром покати, — нигде, никого, ни одной души.

На бревне у калитки сидит Иван Тимофеевич с двухрядкой.

Ирина и Андрей подходят к нему.

— Все бродите, молодежь, провожаетесь?

Ирина и Андрей, улыбаясь, стоят рядом с ним, по обе стороны. Смотрят друг на друга.

Иван Тимофеевич раздвигает меха двухрядки, запевает:

Ах, проводи меня домой.
Полем небороненным,
Дроля мой, ах, дроля мой,
На сердце уроненный!..

Смотрят в глаза друг другу Андрей и Ирина. Иван Тимофеевич искоса поглядывает на них. Он поет:

Ах, дрожиночка, горю,
Сам с собою говорю,
Сам беду зову, любя...
Эх, с ума сойду из-за тебя!

И смущенная и радостная, Ирина идет дальше, оглядывается. За нею идет Андрей.

В ритме их движения проплывают ветви деревьев. Андрей и Ирина идут молча. Все глубже и глубже звучат задумчивые переборы гармони.

— Чуднó, что нас с тобой судьба свела, — говорит Андрей. — Не подошла бы к дому, и не встретились бы...

Они остановились.

— А на что я тебе? — внезапно спрашивает Ирина.

— А на всю жизнь.

Крупным планом — девически чистое, доверчивое лицо Ирины.

Голос Соколова. Со стороны глядеть — не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны на нее глядел, а в упор...

Окраинная улица Воронежа. Впереди по-
ле. Идут Ирина и Андрей.

Совсем издали доносится песня Ивана Ти-
мофеевича:

Эх, погода да непогода...

Почти теряются в дымке силуэты Андрея
и Ирины.

В море ходит синий вал.
Облюбовывал два года,
Краше всех облюбовал...

Голос Соколова. Так мы и пожени-
лись.

* * *

Снова лишь постепенно обретает четкие
контуры еще одна картина.

Комната Соколовых. Ирина лежит на кро-
вати, держа на руках громко плачущего ре-
бенка. Рядом стоит бабка-повитуха.

— Не берет... Не умею я... — застенчиво
говорит Ирина.

Лицо Андрея, бессильного чем-нибудь по-
мочь, переживающего вместе с женой ее за-
труднение, тревожащегося за сына. Андрей
вытирает лоб рукавицей.

— А ты не бойся... Возьмет, возьмет... —
подбадривает бабка. — Ну, ну... Впервые за-
всегда боязно... Вот!

Плач стих. Счастливо улыбается Ирина.
Улыбается ей в ответ, с облегчением переводя
дыхание, Андрей.

* * *

Мальчик делает первые шаги. Один шаг...
Второй...

Присев на корточки, Ирина манит его к
себе.

— Толюшка, иди ко мне, иди, иди. Ну...
Ну, Толюшка, ну, маленький! Ну, роднень-
кий!

Движутся, неуверенно переступая, боль-
шие ноги в сапогах. Пьяный Андрей выходит
на середину комнаты.

— Ну, ну, ножками, ножками, ну, ну, вот
так. Иди, иди... — твердит Ирина, еще не ви-
дя мужа.

— А ну, сынок... — говорит Андрей. — Иди
ко мне...

Отец и сын идут навстречу друг другу,
обоих заносит в сторону. Мальчик падает.

— Ой! — вскрикивает Ирина, подхваты-
вая ребенка. Берет его на руки.

Андрея шатнуло к стене. Смотрит на него
Ирина, смеется.

— Папка пришел!.. — говорит она малень-
кому Толе.

Андрей садится на край кровати. Ирина,
озираясь на него, несет сына к детской кро-
ватке, укладывает.

— Спи, сынок, спи. Спи, родной, спи... —
говорит она и снова смотрит на мужа.

Андрей сидит на кровати, опустив тяже-
лую голову.

Ирина подходит к нему, теперь его укла-
дывает в постель. Ласково шепчет:

— Ну, Андрюша... ложись к стенке, Андрюша, а то сонный с кровати упадешь.

С оханьем вздыхает Андрей, грузно заваливается на бок.

Спокойно лежит в кроватке Толя.

Спит Андрей. Ирина присела к нему, тихонько гладит рукой по голове, перебирает спутанные пряди волос.

* * *

Утро. За столом Ирина и Андрей. Ирина наливает мужу стопку водки.

— Похмелись вот... — говорит она.

Виновато и благодарно смотрит на нее Андрей. Она отходит от стола. Андрей пьет, закусывает огурцом.

— Только больше не надо, Андрюша, — тихо говорит Ирина.

Голос Соколова. Да разве же можно не оправдать такого доверия?..

Крупным планом лицо Ирины.

Голос Соколова (*продолжает*). Да... Не было для меня красивей и желанней ее. Не было на свете и не будет!..

* * *

Яркое летнее утро. За забором новый, недостроенный дом. Выходит из машины Андрей — ему уже за сорок. Проходит в калитку. Ирина пропалывает огород, две девочки-школьницы несут ведро с водой,

— Бог в помощь, работнички! — говорит Андрей.

— Папка приехал! — кричит одна из девочек.

Оглядывается Ирина. И она уже не прежняя молодуха. Ей лет тридцать пять.

Голос Соколова. Так прожили мы с ней семнадцать лет и не заметили, как они прошли, как будто во сне. Да что — семнадцать лет...

Андрей подходит к молодой яблоньке. Около деревца стоит юноша — это Анатолий, первенец Соколовых.

Голос Соколова. Спроси у любого пожилого человека: приметил он, как жизнь прожил?..

Изображение туманится. Потом снова становится четким. Анатолий, стоя на приставной лестнице, прибивает к крыше скворечник.

Голос Соколова. ...Ни черта он не приметил.

Около дома стоят Соколов, Ирина, обе девочки. Сматрят вверх, на Анатolia. К ним подходит Иван Тимофеевич с развернутой газетой в руках.

— С добрым утром, соседи, — говорит он.

— Здравствуйте, дедушка, — первыми откликаются девочки.

Иван Тимофеевич заговорщически подмигивает Анатолию, подзывает его:

— Ну-ка, слезай сюда, герой, слезай!

Протягивает газету Андрею. Тот в недоумении берет ее. Иван Тимофеевич тычет в газету пальцем, показывая на снимок.

— Это про кого? — спрашивает Андрей.
Иван Тимофеевич торжествующе поясняет:

— Вот...

— Толька!... — восторженно вскрикивает девочка.

Другая подхватывает:

— Наш Толька!..

Первая улыбается, переводя взгляд с газеты на брата и снова возвращаясь к снимку.

— Вот и Толька, Толька... — констатирует Иван Тимофеевич.

Анатолий прибивает скворечник, делает вид, что все это его не касается.

Иван Тимофеевич, взяв газету поудобнее, читает:

— «По общественному признанию»... Да... «...на тему»... тема... «Актуальная бесконечность»... Это как понимать, а?.. — Качает головой.— Ай-ай-ай...

Смотрят на газету Ирина, Андрей, девочки. Анатолий все возится со скворечником. Он явно смущен, застенчиво улыбается.

— Ну, спасибо тебе за новость, Иван Тимофеевич,— говорит Соколов.— Выходит, у нас особенный праздник сегодня.

На газетном листе крупным планом портрет Анатолия.

Продолжает читать заметку Иван Тимофеевич:

— «Одаренный юный математик»...

Голос Соколова. А тут вот она, война...

* * *

Пронзительный гудок паровоза.

Перрон, забитый провожающими. Эшелон с мобилизованными готовится к отправке. Проходит состав с военной техникой. Андрей в военной форме, в пилотке прощается с Ириной. Рядом стоят Анатолий и обе дочери Соколовых.

У нее от слез распухли губы, волосы выбились из-под платка, взгляд мутный, остановившийся.

Слышны выкрики:

— По вагонам!.. По вагонам!..

Ирина падает Андрею на грудь, вся дрожит, как подрубленное дерево. Он пытается ее успокоить:

— Возьми же себя в руки, Ирина. Милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье!

Всхлипывая, она пытается выговорить:

— Родненький мой... Андрюша.. Неувидимся мы... с тобой... больше... на этом свете.

— Да разве так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь? — вырывается у Андрея. Он с силой разнимает руки Ирины, отталкивает ее.

Полное отчаяния лицо Ирины.

Голос Соколова. До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прошу себе, что тогда ее оттолкнул.

Андрей обнял Ирину, прижал ее к себе, целует. Целует детей, идет к вагонам.

Выкрики:

— По вагонам!.. По вагонам!..

Ирина и дети смотрят вслед Андрею.

Из вагона двинувшегося товарного поезда высыпался Андрей. Рядом с ним незнакомый солдат машет кому-то рукой, кричит:

— До скорого! Ждите с победой!

На перроне столпились провожающие. Среди них семья Андрея.

Ирина бежит за набирающим скорость поездом. Ветер растрепал ее волосы. Она бежит, прижав руки к груди. Отстает, отстает от поезда и все бежит...

* * *

Одна из дорог войны. Одна из дорог отступления 1941 года. Идут беженцы, скрипят подводы. Черные дымы на горизонте. Горит хлеб.

Все это проплывает мимо Соколова: он сидит за рулем грузовика, едет навстречу этому потоку. Машина Соколова въезжает в лес. В поле вздымаются темные шапки разрывов.

Подсолнухи в полном цвету. В них удараляет снаряд. Все заволакивается черным облаком.

Бегут наступающие гитлеровские пехотинцы. Рядом рвутся снаряды.

Отдача толкает назад стволы орудий. Ведет огонь советская артиллерия. Залп. Еще залп.

Бежит атакующая гитлеровская пехота. Ее сминают разрывы снарядов.

Соколов укладывает снарядные ящики в грузовик. К нему подходит командир автотроты.

— Соколов!.. Соколов! Дорога уже про стреливается... Проскочишь, Андрей?

— Какой разговор. Должен проскочить, и баста.

Соколов закрывает борта машины. Гимнастерка на его спине взмокла.

Машина рванулась вперед.

Командир роты, отирая пот со лба, кричит уже вслед Соколову:

— Дуй! Жми на всю железку!..

Машина Соколова едет по лесной дороге. Грузовики переезжают через мост. Соколов за рулем, смотрит вверх.

По дороге едут машины. Сышен шум самолета. Одна машина пробивается вперед. Навстречу проносится самолет.

Крики:

— Воздух! Воздух!..

— Ложись!

— Ложись!

Шоферы выскакивают из машин, залегают в кювете. Соколов продолжает вести свой грузовик по дороге. Андрей смотрит вверх.

Над машиной вдоль дороги проносится самолет... Разрывы авиабомб.

Машина Соколова едет дальше. Снова разрывы.

Андрей резко берет в сторону, машина, круто вильнув, мчится дальше.

Из кабины грузовика видно, как навстречу по дороге бегут отступающие советские

солдаты. Машина продолжает свое движение.

Один из солдат машет рукой, показывая, что надо поворачивать обратно.

Крики:

- Назад!
- Назад!..
- Назад!..
- Назад!..

Соколов за рулем. Черная сумятица взброшенной глины, камней, дыма, мощный удар разрыва. Косо накренились земля, небо. Тяжело переворачиваясь, все уходит в темноту.

* * *

Нестерпимый свиристящий звук на одной ноте. Соколов лежит на траве. С трудом поднимаются веки.

Небо с плывущими облаками. Облака кружатся.

Глаза Соколова смотрят в небо.

Он повернулся на бок. Долго не удается подняться. Соколов стонет от боли, хватается за левое плечо, снова распластавшись без движения. Рядом лежит вверх колесами разбитая машина. Кругом валяются разбросанные снаряды.

Наконец, он встал. Земля качается под ним. Все вокруг как будто в тумане, который то светлеет, то сгущается. Вновь на Соколова хлынула тьма.

Он падает на спину... Темнота.

* * *

Соколов лежит, приподнимает голову.

В месиве тумана, словно тени, плывут на него две фигуры — гитлеровские автоматчики. Раскачиваясь, как маятники, они все растут перед ним. Одна тень снимает с плеча автомат.

Голос Соколова. Вот и смерть моя на подходе...

Андрей встает, глядит в глаза автоматчику.

Голос Соколова. А куда будет бить?.. Гитлеровец поднимает дуло автомата.

Голос Соколова. ...В голову или по перек груди?

Автоматчик не спускает с него глаз.

Голос Соколова. Этот убьет и не задумается...

Другая тень отодвигает первую в сторону, подходит к Соколову. В ушах Андрея отдаленный грохот боя заглушается неотвязным звоном.

Руки автоматчика ощупывают Соколова, снимают с него ремень. Гитлеровец сгибает правую руку Соколова, щупает мускул. И снова становится тенью, возвращается к первой.

В свиристящий звон вплетается гудение или жужжанье: тени переговариваются между собой.

— Der kann noch leben und arbeiten für uns...¹ — словно где-то далеко говорит тень.

¹ — Этот еще может жить, работать на нас...

— Ja! Und wir haben Zeit für Damengesellschaft, was?¹ — отвечает первая.

Обе тени хохочут. Первая тень говорит:

— Du, Hans! Er hat doch gute Stiefel an!²

Жестом показывает Соколову, что нужно снять сапоги. — 'Runter damit!..³ — Подгоняет: — Los, los... hier... Stiefel!..⁴

Соколов садится, одной рукой снимает сапоги, отдает автоматчику. Тот выхватывает их. Рука Соколова протягивает ему портняжку. Автоматчик отталкивает Андрея, злобно кричит:

— Du!.. Drecksau...⁵ — И снова вскидывает автомат.

Второй кладет руку ему на плечо, успокаивает:

— Sei ruhig!⁶

Он поднимает Соколова за шиворот и толкает его в спину.

— Na, geh... geh schon!⁷

По дороге — в сторону заходящего солнца — гонят колонну пленных. Их конвоирует несколько автоматчиков.

Конвойир вталкивает Соколова в колонну, провожает ударом приклада.

Сильно качнулся Соколов. Его подхваты-

¹ — Да! И у нас есть время для дамского общества, а?²

² — Ты, Ганс! На нем хорошие сапоги!

³ — Снимай!

⁴ — Давай, давай... сюда... сапоги!

⁵ — Ты!.. Грязная свинья...

⁶ — Спокойно!

⁷ — Ну, иди... иди же!

вают под руки двое пленных, поддерживают. Один шепчет:

— Только не падай, держись, а то пристрелят.

Заходит солнце. Идет колонна пленных по дороге. Надвигается гроза.

Впереди колонны горделиво вышагивает начальник конвоя. Он выходит еще дальше вперед, поворачивается лицом к колонне. Отдает короткую команду:

— Ein Lied!¹

Пленные идут молча.

— Achtung, Ivens!² Ein Lied!.. Песня!.. — И поясняет более доступно: — La-la-la-la!..

Медленно идут пленные. Они молчат.

Лицо начальника конвоя передергивается. Он направляет на колонну дуло автомата. Резкий выкрик:

— Ein Lied!..

Передние ряды пленных останавливаются. Задние напирают на них. Мрачные, озлобленные лица. Уже яростно кричит начальник конвоя:

— Песня!.. Ein Lied!.. — И водит дулом автомата по колонне.

Молодой комиссар, босой, без гимнастерки, чуть выступает вперед, поднимает руку. Запевает:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

¹ — Песню!

² — Внимание, Иваны!

Колонна трогает с места. Пленные нестройно подхватывают песню.

Поет молодой комиссар:

Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег кругой.

Идут пленные. Идут с перебинтованными головами, перевязанные во всю грудь крест-накрест, с подвязанными руками, хромые, один еле ступает, опираясь на костьль. Ему помогает идти сосед. Хором вторят:

Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег кругой.

Начальник конвоя очень доволен. Он улыбается. Маршируя, размахивает руками в такт песне. Оглядывается назад и жестом приглашает хор прибавить бодрости.

— Wunderbar, Ivans...¹ — поощрительно бросает он.

Тверже шаг колонны. Стройнее песня.

Выходила, песню заводила...

Шагают по дороге комиссар, пленные.

Про степного сизого орла...

Комиссар тихо говорит солдату:

— По моей команде — бросаться на конвойных!

Приказ комиссара передается по рядам:

¹ — Замечательно, Иваны...

— По команде — бросаться на конвойных!..

И в то же время не перестает звучать песня. Она все нарастаает, набирает силу:

Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Идут пленные, поют.

Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Один пленный отстает от колонны. Останавливается. Обезумев, он громко хохочет. Соколов оглядывается на него. Короткий треск автоматной очереди.

Мрачно и опять нестройно звучит песня:

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет...

На переднем плане пленный солдат — Семечкин. Из-под разорванного ворота рубахи виден болтающийся на груди крестик.

Слышна песня:

Пусть он землю бережет родную...

— Господи, господи, сохрани и помилуй меня... — шепчут губы Семечкина.

Военврач ведет под руки раненого. Слышна песня:

А любовь Катюша сбережет...

— Огороди меня от врага... — шепчут

губы Семечкина. Фанатической веры исполнен его взгляд.

Идут широколицый здоровенный солдат—
Крыжнев — и юноша-командир.

Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша...

В песню врезается шум догоняющей колонны машины, скрежет тормозов. С подъехавшего грузовика с криками соскакивают автоматчики. Это прибыло усиление конвоя.

Слова команды:

— Achtung!¹

Смех немецких солдат.

Заканчивается песня:

...бережет...

Комиссар, оглянувшись на прибывшее подкрепление, говорит соседу:

— Придется отставить...

По цепочке передают:

— Отставить!.. Отставить!..

Гонят военнопленных. Отдаленные раскаты грома смешиваются с грохотом орудий. За горизонтом далекие вспышки орудийных залпов. Село мертвое: обуглившиеся развалины домов, обломки стен, черные остовы печей.

Пленные проходят церковное кладбище. Белеет колокольня в вечернем небе.

Скрипят ржавые петли. Конвойные распахнули высокие железные двери. В церковь

входят два конвоира и пленные. Среди них Семечкин, молодой комиссар, военврач. Босые ноги шлепают по каменному полу. Под высокими сводами гулко звучат голоса.

Конвойный у двери monotонно объявляет с сильным акцентом, читая слова по записке:

— Ночью из церкви для надобности никого выпускать не будем.

Второй конвойный тут же в дверях считает входящих по парам:

— Zwei, vier, sechs, acht, zehn...¹

Пленные разбредаются по темной церкви.

Первый конвойный повторяет:

— Ночью из церкви для надобности...

Вспыхивает луч фонарика, освещает проходящих пленных — Крыжнева, юношу-командира, Соколова...

Гулко разносится по церкви:

— ...никого выпускать не будем.

Слышен счет:

— ...sechzehn, achtzehn...²

Пленные всматриваются в изображения святых на стенах, в иконы.

Разбитый купол, решетчатые окна, побитая осколками крыша.

Слышатся голоса:

— Товарищи, товарищи! Есть тут кто из третьей роты?

— Ваня, Уклейкин! Где ты? Уклейкин! Ваня! Ваня! Где ты? Ваня... Ваня!

На каменном полу тени оконных решеток.

¹ — Два, четыре, шесть, восемь, десять...

² — ...шестнадцать, восемнадцать...

¹ — Внимание!

Пленные устраиваются на ночлег. Они все босые. На ком гимнастерка и штаны, кто в брюках и в одной рубахе, кто совсем без рубахи.

Семечкин подходит к кресту. Крестится. Идет дальше, к алтарю.

Голос. Кто-нибудь из третьей роты! Товарищи...

Комиссар подходит к группе пленных.

— Ну-ка, ребята,— говорит он,— освободите место. Шинельку, шинельку подложите...

На освободившееся место укладывают тяжелораненого.

Соколов, держась за плечо и морщась от боли, садится у стены.

От свет молнии. Соколов поднимает голову, смотрит наверх. Слышен глухой гром, шум начинающегося дождя.

Дождь льет сквозь разбитый купол. Пленные, расположившиеся в середине церкви, поднимаются, расходятся в разные стороны.

К Соколову подходит военврач.

— Ты что, ранен? — спрашивает он.

— А тебе что надо, браток? — не поворачивая головы, откликается Соколов.

— Я военврач. Может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?

— Левое плечо у меня скрипит и пухнет и ужасно как болит.

— Снимай гимнастерку.

Врач берет Соколова за руку.

Мечется Семечкин у алтаря.

Врач ощупывает плечо Соколова. Тот охает, сквозь стиснутые зубы цедит:

— Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту даешь, бессердечный ты человек!

Врач берет в руки кисть Соколова.

— Твое дело помалкивать! Тоже мне, разговорчики затеял. Держись, сейчас еще больнее будет.

Он резко дергает на себя руку Соколова. Охает Соколов.

Корчится от боли Семечкин.

Перекошенное лицо Соколова. Он с ненавистью смотрит на врача.

— Что же ты делаешь, фашист несчастный?! — стонет он.— У меня рука вдребезги разбитая, а ты ее так рванул!

Врач улыбается.

— Я думал, что ты меня сейчас с правой ударишь, но ты, оказывается, ничего, смиренный парень...

Соколов охает.

— А рука у тебя,— продолжает врач уже серьезно,— не разбита, а выбита была, вот я ее на место тебе и поставил. Ну как, полегче теперь?

Соколов как бы прислушивается к своей боли.

— Полегче.

— Хорошо.

— Спасибо тебе, доктор.

Тепло улыбается врач.

— Ну вот видишь.— Он уходит.

Соколов смотрит ему вслед.

Врач пробирается среди пленных, спрашивает:

— Товарищи, раненые есть?.. Кто здесь есть раненые, товарищи? Товарищи, раненые есть?.. Раненые...

Семечкин мечется среди пленных, схватившись руками за живот.

Врач останавливается перед ним.

— Ты что, ранен? В живот?..

— По нужде мне надо...

Семечкина окружили пленные. Сыщен смех. Льет дождь.

— Чего это его так закрутило?

— Братцы, по нужде мне надо... — жалуется Семечкин.

— Сказали же, выпускать не будут, — отвечает кто-то.

— Братцы, что же мне делать-то?.. Я ведь верующий... я христианин...

Пленные хохочут.

— А ты давай через купол! — советует один. И обещает: — Мы тебя подсадим...

— Ты у ангелов попроси — они тебя на крыльях вынесут! — предлагает другой.

— Мне выйти надо, я не могу осквернять святой храм... Я не могу осквернять... — уже истерически кричит Семечкин. — Я же верующий!

Сильная молния освещает его искаженное лицо. Резкий удар грома.

— Я христианин!.. — вопит Семечкин.

Он бросается к двери. Вскакивает комиссар, бежит за ним. Кричит:

— Стой! Куда ты?!

Семечкин отчаянно стучит кулаком в дверь.

— Две минуты! Только на две минуты! Я не могу осквернять!..

Он снова стучит.

Автоматная очередь из-за двери. Падают Семечкин и комиссар.

Мертвая тишина. Дождь прекратился. Убитых берут бережно на руки, уносят от двери.

Сышен легкий звон падающих с разбитой крыши капель.

Лица людей, которые только что смеялись... Давали шуточные советы... Ругались...

Все стоят в угрюмом молчании, потом расходятся.

Отдаленные раскаты грома. Звон падающих капель.

* * *

В церкви спят пленные — кто лежа, кто сидя, кто стоя, прислонясь к стене.

Столбы лунного света упираются в лики великомучеников, апостолов, нарисованные на стенах.

Сидит у стенки Соколов. Он вслушивается в негромкий голос:

— Если завтра нас будут выкликать — коммунистов, комиссаров, евреев, то ты, взводный, не прячься — из этого дела у тебя ничего не выйдет.

Соколов косит глазом, с недоумением прослушивается.

Силуэты людей в лунном свете. Сидят Крыжнев и юный командир.

— Ты что же думаешь, если гимнастерочку-то снял, так за рядового сойдешь? Не

выйдет! Я за тебя отвечать не намерен, я первый укажу на тебя! Ты же коммунист! Вот и отвечай за свои дела,— заключает Крыжнев.

Приподнимает голову Соколов, напряжен но всматривается.

— Я всегда подозревал... я всегда подозревал,— говорит юноша,— что ты, Крыжнев, нехороший человек. Особенно когда ты отказался вступить в партию, ссылаясь на свою неграмотность... Но я никогда не думал, что ты можешь стать предателем... А?..

Стараясь не проронить ни слова, слушает Соколов.

— Ведь ты же семь классов окончил... — вспоминает юный командир.

— Ну что ж, что кончил? И что из этого? — лениво отвечает Крыжнев.

Они смолкли.

С острым вниманием всматривается Соколов в их лица.

— Не выдавай меня, товарищ Крыжнев,— внезапно говорит юноша.

— Товарищи остались за линией фронта, я тебе не товарищ, и ты меня не проси, все равно укажу на тебя! — отвечает Крыжнев.

Он неторопливо, по-домашнему, укладывается спать.

— Своя рубашка к телу ближе!

* * *

Чуть светает. Спят пленные. Соколову видно, как лежит на спине, закинув руки за голову, Крыжнев. Сышен могучий храп.

Около Крыжнева сидит в исподней рубашке, обняв колени, чуть раскачиваясь взад-вперед, очень бледный, курносенький юноша-взводный.

Рука Соколова тронула плечо юноши. Тот оглядывается. Взгляд его безучастен.

— Ты взводный? — шепчет Соколов.— Этот хотел тебя выдать? — и кивком головы показывает на Крыжнева.

Юноша наклоняет голову. Долго смотрит на Крыжнева.

Соколов, взяв за руку юношу, идет к спящему Крыжневу.

С отвращением всматривается в него Соколов.

— А ну, держи ему ноги... — шепчет Соколов.

Юноша смотрит на него, не то не понимая, не то не находя решения.

— Да поживей!.. — торопит Соколов и падает на Крыжнева.

Юноша-взводный, присев на корточки, пригнувшись, держит ноги Крыжнева. Встает. Соколов распрямляется, подходит к нему. Оба не могут оторвать глаз от тела Крыжнева.

Соколов машинально вытирает руки одну о другую, словно старается сбросить с них налившую грязь. Оглядывается на юношу, говорит:

— Пойдем отсюда.

Все время оборачиваясь, придерживаясь руками за стены, они уходят в глубь церкви.

* * *

Раннее утро. Возле церкви выстроены военнопленные. Три эсэсовских офицера проходят перед строем.

Старший офицер, глядя поверх строя, командует:

— Kommunisten, Politkommisare, Offiziere und Juden! Zwo Schritt vorwärts!..¹

Офицеры движутся вдоль строя.

— Kommunisten, Politkommisare, Offiziere und Juden! Zwo Schritt vorwärts!..

Старший офицер останавливается, всматривается в лица пленных. Обращается к ним с вопросом:

— Was? Habt ihr gar keine Kommunisten hier?²

Безмолвен строй пленных. Офицеры идут дальше.

— Kommunisten, Politkommisare, Offiziere und Juden! Zwo Schritt vorwärts!..

Старший офицер останавливается возле пленного в фуражке.

— Kommunist?³

Пленный молчит.

— 'Raus!⁴

Короткий жест. Конвойные выводят пленного из строя.

Офицер неторопливо продолжает обход,

¹ — Коммунисты, комиссары, офицеры и евреи! Два шага вперед!..

² — Что? У вас здесь совсем нет коммунистов?

³ — Коммунист?

⁴ — Вон!

останавливается, тычет пальцем, указывая на кудрявого парня, окликает его:

— Jude?¹

— Русский я!

— Du schwindelst, mein Lieber! 'Raus mit dir'²

Тот же короткий жест. Конвойные выводят пленного из строя.

Офицер останавливается перед военврачом.

— Jude?

— Врач я.

— 'Raus!

Конвойные выхватывают из строя врача. Пленные смотрят вслед уходящим.

Обреченные выстроены спиной к церковной стене. Перед ними автоматы.

Уже сильно пригревает солнце. Старший офицер приподнял фуражку, платочком вытер пот со лба. Спокойно, даже чуть вяло подает команду:

— Achtung! Stillgestanden! Legt an!..³

Стоят у стены пленные.

В небе щебечут птицы. Военврач снял очки, протирает их. Поднял голову, смотрит в небо.

Резкая команда:

— Feuer!⁴

Треск автоматов.

¹ — Еврей?

² — Ты врешь, мой милый. Вон!

³ — Внимание! Смирно! Приготовиться!..

⁴ — Огоны!

Вздрагивает стоящий в строю Соколов.

Резкая команда:

— Achtung!.. Rechts um!¹

Другой голос передает команду по-русски:

— Напра-во!

Снова выкрикивает старший офицер:

— Abteilung, marsch!²

Команда переводится по-русски:

— Колонна, шагом марш!

Пленные трогаются с места. Слышны подгоняющие выкрики:

— Марш!.. Марш!..

Уходит колонна пленных. На ходу обворачивается Соколов. Колонна движется по проволоке.

* * *

Лагерь, обнесенный колючей проволокой. Льет дождь. Чавкают сапоги проходящего караульного. Прямо на земле, под дождем, лежат пленные. На краю рва, который окружает лагерь, пулеметы. Они нацелены выше лежащих людей. Скользит над пленными луч прожектора. Слышна пулеметная очередь.

Кто-то пытается приподняться на руках.

— Не смей подыматься! — останавливают его.

— Скоро лить-то перестанет?.. — стучат зубами, стонет он. — Все равно всем нам здесь хана...

¹ — Внимание!.. Напра-во!

² — Колонна, шагом марш!

Юноша-взводный, лежа на спине, рвет на себе ворот гимнастерки, ловит ртом капли дождя. Стонет:

— Пить... Пить... Дайте напиться! Жарко мне! Пить, пить... Жарко мне!..

Луч прожектора выхватывает из тьмы лицо спящего Соколова. По щекам стекают дождевые струйки.

Какой-то перламутровый туман за проволокой. Он рассеивается. Видно поле. Неподалеку стоят Ирина, Анатолий, дочки Соколова.

Андрей подходит к проволоке.

Он стоит, вцепившись в нее руками.

— Папка, ты скоро придешь? — спрашивает младшая девочка.

— Скоро! Я скоро, — отвечает Соколов.

— Скорей, Андрюша! — просит Ирина. — Истосковались мы...

Соколов судорожно пытается руками раздвинуть проволоку.

Видение отступает, тает. Снова только туман.

Соколов спит. Льет дождь. Скользит над лагерем луч прожектора. Лагерь словно леднеет в его свете.

Вдоль проволоки шагает караульный. Чавкают по грязи его сапоги.

* * *

Печет солнце. У опушки леса пленные роют братскую могилу. Мимо них проносят на носилках мертвых.

Соколов лопатой выбрасывает из ямы зем-

лю. Рукавом вытирает со лба пот, угрюмо сдвинув брови, смотрит по сторонам.

Мерные взмахи лопат. Углубляется яма, растет глиняный отвал.

Несут тело юноши-взводного.

Соколов смотрит на него. Продолжает копать. Он работает уже не в такт с соседями. Озирается вокруг.

Мелькают в воздухе лопаты, выбрасывают из ямы землю.

Двое конвойных, удобно расположившись в тени кустика, расстелив салфетку, закусывают.

Соколов швыряет свою лопату на гребень отвала и медленно, осторожно выбирается из ямы, идет к лесу.

Смотрит ему вслед пленный.

Лежит на груде земли лопата Соколова. На нее бросают землю.

Соколов подошел к лесу.

С блаженной улыбкой, пригревшись на солнце, спит на траве конвойный.

Соколов, покосившись на него, быстро скрывается в кустах.

Он бежит по лесу, прыгает с обрыва, скатывается по песчаной круче, снова бежит среди густых зарослей, раздвигает руками ветви и бежит, бежит.

Лучи солнца еле пробиваются сквозь густую листву. Мелькают блики. Деревья, кусты, ветви — все как бы мчится мимо Соколова.

Он тяжело дышит. На лице крупные капли пота. Андрей припал к стволу дерева, ста-

рается отдохнуться. И снова бежит, петляя между высокими деревьями, пересекая заливные солицем поляны.

Редеет лес. Открылось овсяное поле. Соколов, припав к земле, ползет к полю.

Разгребая руками стебли овса, пробирается Соколов вперед. Он срывает несколько стеблей. Жадно жует зерна. Кладет пригоршню зерен в карман.

С неба льются трели жаворонка. Продолжая жевать, Соколов поднимает глаза, вслушивается. Устало улыбается. Ложится на спину. Слушает. Раскидывает руки. Сматривает в небо.

Над ним тихое небо, высокие чистые облака. Звенящая тишина поля. Где-то в высоте журчат трели жаворонка.

Как бы вслед за жаворонком, распевающим свою светлую песню, камера поднимается все выше и выше. Ветер гонит волны по овсяному полю. Они укрывают еле видную, маленькую фигурку, распластавшуюся на земле с руками, раскинутыми крестом.

Мирное летнее небо. Журчание трелей жаворонка.

Спокойное лицо спящего Соколова.

Откуда-то очень издалека доносится собачий лай. Соколов открывает глаза, прислушивается.

Лай ближе. Соколов начинает ползти.

Лай слышен уже отчетливо. Тарахтят мотоциклы. Две огромные немецкие овчарки мчатся в гуще овса.

Соколов остановился. Из овса вырываются распленные морды овчарок. Собаки на-брасываются на Андрея. Он пытается от них отбиться. Потом припадает лицом к земле, закрывает голову руками.

Собаки рвут Соколова. С мотоциклов скакивают два немецких унтера, бросают ма-шины, бегут за собаками.

— Hier!.. Runter hier!.. Da liegt er¹, — кричит один.

— Rex, bei Fuss!² — отзывает собаку дру-гой.

Две огромные овчарки сидят на вытоптанном клочке овсяного поля, тяжело дышат, разинув пасти, свесив на бок языки. Смотрят, как трудятся люди, сменившие их, старательно работающие сапогами. Хриплые выкрики:

— Du, Aas...³

— Du, Schweinehund...⁴

Лает от нетерпения овчарка. Собак окликают:

— Asta, Rex... fass!⁵

Собаки снова кидаются на Соколова.

Теперь отдыхают взмокшие, запыхавшиеся от работы, возбужденные ею люди. Поглядывают вниз. Слышна свирепая возня рычащих, рвущих человеческое тело собак. Один унтер говорит другому прерывающимся голосом:

¹ — Здесь!.. Здесь внизу!.. Там он лежит.

² — Рекс, к ноге!

³ — Ты, стерва...

⁴ — Ты, подлец...

⁵ — Аста, Рекс... взять!

— Vier Tage hat der Kerl uns auf Trapp gehalten... Muss der aber Kraft gehabt haben!¹

Собаки рвут Соколова. Он катается по земле, закрывая руками лицо и шею.

— Wenn die dem in Lager nicht so viel zu fressen gegeben hätten, — замечает второй, — wäre er auch nicht so weit gerannt!²

Один закуривает, протягивает сигарету другому.

— Nimm schon!³

Собаки терзают Соколова.

* * *

Ноги, согнутые в коленях. Каэрцер: каменный мешок, темная узкая щель, где человек может только стоять. Лицо истерзанного Соколова. Сдавленный его голос:

— Живой... живой я... остался.

Возникает образ Ирины. Широко раскры-тые глаза ее полны слез, руки прижаты к груди. Такой она провожала его на перроне.

Голос Соколова. Ждите меня... Жди-те...

* * *

Сильно поседевший Соколов в маленьком, заплетенном колючей проволокой окошке то-варного вагона. Вагон не движется.

— Четыре дня этот парень заставлял нас гоняться за ним... Видно, у него хватало силенок!

— Если бы они там, в лагере, не давали ему столько жрать, он не смог бы удрать так далеко.

— Бери!

Мимо проплывает встречный товарный состав — воинский эшелон. В вагонах, на платформах с танками и самоходными пушками — солдаты в новеньком обмундировании.

Слышна песенка:

Geh'n Sie weiter,
Geh'n Sie weiter!
Sie sind ja nur Gefreiter...¹

Совсем медленно проплывает эшелон. На открытой платформе несколько солдат. Один играет на губной гармошке. Остальные горланят эту веселую песенку. Толстяк с намыленным лицом бреется на ходу поезда.

Эшелон останавливается. Кто-то из солдат видит, что они проезжают мимо состава с пленными. Кричит:

— Die Gefangenen!..²

Кто-то показывает на Соколова:

— Ein echter Ivan...³

Задорно приплясывает ритм песенки:

Ich lass' mich nur verführen
Von Unteroffizieren⁴.

Толстяк с намыленным лицом делает страшные глаза, складывает пальцы так, буд-

¹ Проходите,
Идите своей дорогой!
Вы всего-навсего ефрейтор...

² — Пленные!..

³ — Настоящий Иван...

⁴ — Я позволяю соблазнять меня толькоunterof-

цирам.

то целится в Соколова из пистолета, щелкает пальцами.

— Ну!.. — выкрикивает он. И в восторге от своей шутки хохочет.

Хохочут все солдаты.

Спокойно смотрит на них Соколов. Ни один мускул не дрогнул в его лице.

Geh'n Sie weiter,
Geh'n Sie weiter!
Sie sind ja nur Gefreiter.
Ich lass' mich nur verführen
Von Unteroffizieren...

Уезжает платформа с этими весельчаками. Соколов смотрит из окошка сквозь колючую проволоку.

Звучит, удаляется песенка:

Rosamunde,
Schenk mir dein Sparkassenbuch!
Rosamunde,
Zwei Tausend...¹

Проплывает последняя платформа. Солдаты — кто сидя верхом на зачехленном орудии, кто прислоняясь к нему спиной — поют:

In der Heimat, in der Heimat
Da gibt's ein Wiederseh'n...
...Ein Wiederseh'n...²

Соколов смотрит в окошко.

¹ Розамунда,
Подари мне свою сберегательную книжку!
Две тысячи... Розамунда...

² На родине, на родине,
Там встретимся мы вновь...
...Встретимся мы вновь...

Гудок паровоза. Дернулся вагон, двинулся в путь.

* * *

Стучат колеса товарного поезда. Он ныряет в тоннель.

В темноте резко и гулко гудит паровоз. Грохочет засов. Отодвигается дверь товарного вагона. Звучит музыка: оркестр играет танго «Донна Клара».

На принаряженном перроне небольшой станции стоят немецкие офицеры, надзирательницы.

Из вагонов спрыгивают на перрон пленные. Среди них Соколов.

Из других вагонов появляются люди, привезенные из самых разных мест Европы — женщины, дети, старики. Некоторые — целыми семьями, с чемоданами в руках, с мешками на согнутых спинах. Шум, крики.

Женщина ищет кого-то в толпе глазами, зовет:

— Мадлен!.. Мадлен!..

Охранник толкает ее в поток людей, движущихся по перрону.

Перемешивающиеся в общей сумятице и гуле крики:

— Мама!..

— Янек!..

— Мама!..

— Янек!..

— Aussteigen!.. Aussteigen!¹

¹ — Выходите!.. Выходите!..

— Maman!..¹

— Vorwärst, Madam...²

— Schneller, schneller!..³

По перрону движутся пленные. Стоят немецкие офицеры.

Перед фасадом станционного здания выстроился оркестр из заключенных. Он играет танго «Донна Клара». Музыка звучит не умолкая.

Высокая арка ворот. Под аркой во двор плотной толпой проходят пленные.

Голос из репродуктора повторяет сильным акцентом:

— Внимание, внимание! Все прибывшие в лагерь хранят полное спокойствие. Приказываю: русским военнопленным следовать в ворота номер один. Всем лицам европейской национальности — в ворота номер два. Остальные следуют в ворота номер три...

Медленно движутся колонны людей по территории лагеря. Проходят женщины, дети. В отдельной колонне идут мужчины. У матерей надзирательницы вырывают из рук детей. Неистовый шум, вопли, детский плач.

Соколов видит, как молодая женщина прячет под пледом ребенка. Подбегает надзирательница. Тянет ребенка за руку. Отчаянный крик.

За проволокой стоят в полосатой одежде

¹ — Мама!..

² — Вперед, мадам...

³ — Быстрее, быстрее!..

полускелеты — узники лагеря. Смотрят на новых прибывших.

На табличке на разных языках написано слово: «Баня».

В отдалении видно приземистое здание с высокой дымящей трубой. Медленным потоком движутся люди. Стоны и крики ужаса, шарканье ног, шум толпы, окрики стражи и надзирательниц.

Тремя потоками движутся люди к зданию с высокой дымящей трубой.

На это движение смотрят офицеры.

Из огромной трубы поднимается дым. Черным облаком расплывается он по небу. Громко звучит мелодия танго «Донна Клара».

* * *

Снова паровозный гудок. Постукивают колеса по рельсам. Соколов сидит в товарном вагоне, смотрит сквозь колючую проволоку в окошко.

За окошком проплывают, сменяя друг друга, виды Германии.

Голос Соколова. Куда меня только не гоняли за два года плена. И в Саксонии был, на силикатном заводе работал. И в Рурской области на шахте уголек откатывал. И в Баварии на земляных работах горб наживал. И в Тюрингии побыл. И черт те где только не пришлось по немецкой землеходить... Природа, браток, там везде разная, но стреляли и били нашего брата везде одинаково... Били за то, что ты русский, за то, что

на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь... Били запросто, для того чтобы когда-нибудь да убить до смерти. Печай-то, наверное, на всех нас не хватало у Гитлера...

* * *

Лагерь, окруженный колючей проволокой. Бараки. Во дворе лагеря выстроены военно-пленные. Проходят немецкие офицеры.

Голос Соколова. Из лагеря под городом Кюстрином попал я в лагерь «Б-14». Был там у нас лагерфюрер...

Слышина команда:

— Achtung! Stillgestanden!.. Mützen ab!¹

На экране лицо Мюллера. Он плотный, белобрысый и весь какой-то белый: белые волосы, брови, ресницы. Глаза навыкате. Во рту у него сигарета, он перекатывает ее из одного угла рта в другой.

Голос Соколова. ...Мюллер. Говорил по-русски вот как мы с тобой...

Мюллеру подают свинчатку. Он прилагивает ее к руке, натягивает перчатку.

Голос Соколова. ...Каждый день он какому-нибудь блоку «профилактику от гриппа»...

Мюллер поправляет перчатку перед пленным. Кулаком бьет его в лицо. Идет со своей свитой дальше вдоль строя.

¹ — Внимание! Смирно!. Шапки долой!

Голос Соколова. ...устраивал. Это он так называл...

Мюллер наносит короткий, мощный удар другому пленному. Тот падает. Лагерфюрер идет дальше.

Мюллер бьет еще одного. Пленный только шатнулся, но выдержал удар. Смотрят друг другу в глаза лагерфюрер и пленный.

В бараке у окна столпились пленные — смотрят на «профилактику от гриппа».

— Аккуратный, гад, без выходных работает,— говорит Соколов.

Это уже не тот могучего сложения человек, каким он был раньше. Это тень прежнего Андрея.

— И где он, проклятый, научился такому ремеслу? — откликается кто-то из пленных.

— Завтра наш черед,— вздыхает седой старик.

Слышина громкая команда:

— Выходи на работу!.. Выходи на работу!.. Выходи на работу!..

Пленные движутся к выходу из барака.

* * *

Большая, глубокая каменоломня. Работают около двух тысяч пленных. Измощденные люди кирками долбят, крошат камень. В воздухе пыль, цокот металла, клюющего каменные глыбы.

Этот звон и грохот прорезают горланные понукающие выкрики конвойных:

— Los auf! Russisch!.. Russisch!..¹

Соколов и парнишка лет девятнадцати дробят молотами камень.

Парнишка выбился из сил. Руки не держат молот. Он бьет по камню и падает.

Сышен оклик:

— Aufstehen!²

Подходит немецкий солдат.

— Los hoch! Auf den Berg die Steine schleppen... Los zackig!³ — говорит он парнишке. Подталкивает в спину Соколова: — Und du auch... Dalli, dalli!..⁴

Соколов поднимает камень. Парнишка выбрал не такой крупный.

— Бери побольше,— говорит Соколов,— а то пристрелят.

Соколов, парнишка и другие пленные несут камни в гору. Они идут по крутым подъему, по узкой тропке на краю пропасти.

Конвойные подгоняют их:

— Bewegt euch!.. Bewegt euch!..⁵

— Dalli! Dalli!⁶

— Bewegt euch!

— Doch endlich etwas schneller!..⁷

Тянется нескончаемая вереница. Далеко

¹ — Ну-ка, ну-ка! Русский!.. Русский!..

² — Встать!

³ — Ну-ка наверх! Таскать камни на гору... А ну, повеселее!

⁴ — И ты тоже... Живо, живо!..

⁵ — Пошевеливайтесь!.. Пошевеливайтесь!..

⁶ — Живо! Живо!

⁷ — Да побыстрее, наконец!..

внизу видны зигзаги подъема, тоже заполненные людьми, которые несут камни.

Идут Соколов и парнишка. Они поднимаются все выше и выше.

Слышны окрики:

— Los!.. Los!.. Ihr, Schweine!..¹

Внезапный грохот. Соколов и парнишка прижимаются к нависшей над обрывом скале. Под ногами у них клубится пыль, поднятая пронесшимся вниз большим камнем.

— Ой!.. Берегись!.. Ой!.. — слышны крики уже снизу.

В наступившей после обвала тишине звучит голос конвойного:

— E-eh!.. Hier ist doch kein Kurhaus...²

Опять вереница людей приходит в движение. Парнишка падает. Соколов теребит его, помогает подняться.

— Вставай, вставай, милок!.. — И, идя позади, чуть подталкивает его, чтобы облегчить ему последние метры подъема.

Это видит стоящий у поворота тропинки красивый рослый офицер.

Слышны выкрики конвойных:

— Los!.. Los, ihr, Schweine!..³

Наверху пленные сваливают камни в кучу и идут вниз. Бросают свои камни Соколов и парнишка. Мимо них проходят другие пленные.

— Los!.. Ihr, Schweine!..¹

¹ — Ну!.. Ну!.. Вы, свиньи!..

² — Эй!.. Здесь все-таки не санаторий...

³ — Ну!.. Ну, вы, свиньи!..

Соколов расправляет плечи. Светится радостью лицо парнишки. Он сам не верит, что тяжкий подъем позади. Глубокий вздох облегчения вырывается из его груди.

На них смотрит красавец офицер, направляется к ним. Проходя мимо, не глядя на парнишку, офицер легким толчком плеча, как бы невзначай, сбрасывает его в пропасть. Отчаянный вскрик.

Соколов оглядывается. Парнишки нет.

Крупным планом лицо Соколова. Ни мысли, ни чувства в его взгляде. Все звуки жизни заглушены давящей человека мелодией танго «Донна Клара».

* * *

Та же навязчивая мелодия звучит в ушах у Соколова.

Пленные возвращаются с работы. Даже под ярким солнцем лохмотья на них не успели просохнуть.

Ворота в лагерь. На арке надпись: «Jedem das Seine»².

У ворот пленные снимают пилотки. Слышна команда:

— Mützen ab!.. Mützen ab!..³

Полумертвые от усталости люди входят в барак. Падают на нары.

¹ — Ну!.. Вы, свиньи!..

² «Каждому — свое».

³ — Шапки долой!.. Шапки долой!..

Соколов снимает с себя рванье, заменяющее ему одежду. Каждое движение требует большого напряжения воли, дается с трудом.

Входят все новые и новые люди.

— Выполнил свою норму... — горько говорит один из пленных.

— Эх, пожрать бы сейчас... — вздыхает другой.

— Вечером не полагается, — урезонивает третий.

— Когда же это кончится?.. — говорит седой старик.

Соколов подходит к нарам, останавливается. Кто-то рядом с ним бросает на пол свою миску. Кричит:

— Богом проклятые гады, паразиты!..

— Им по четыре кубометра выработки надо, — откликается Соколов, — а на могилу каждому из нас и одного за глаза хватит.

— Тихо! — раздается предупреждающий голос. — Что вы! Тихо... Тсс...

Соколов взбирается на нары. Лежат и сидят на нарах люди — тени людей, полусклеты.

* * *

Вечер. Пустой двор лагеря. Сумрак прорезают лучи прожектора. Ряды колючей проволоки. Пулеметные вышки.

Слышны голоса, горланящие песню.

Erika, Erika...¹

Доносится голос:

¹ — Эрика, Эрика...

— Lied aus!.. Jetzt saufen wir auf unseren Sieg...¹

* * *

Барак. Нары. На них угадываются силуэты пленных. Со двора доносятся выкрики:

— Sieg heil! Sieh heil!²

Еле слышна немецкая песня.

— Чегой-то они разгулялись? — спрашивает седой старик.

— Шнапс глушат и салом закусывают, сволочи... — отвечает другой пленный.

— Эх, сейчас бы... — мечтательно начинает кто-то.

— Стоп! О жратве ни звука... — останавливают его.

— Договорились же! — напоминают с нар.

Скрипит, потом хлопает дверь. Входят офицер и солдат.

— Нуммер триста тридцать один! — выкликает солдат.

Тишина. Слепящий луч фонарика скользит по нарам, где краской написаны номера. Упирается в номер 331, освещает лицо Соколова.

— Я... — откликается Соколов.

Солдат объявляет:

— Тебя требует комендант лагеря.

В суровом молчании пленные смотрят на Соколова, как бы прощаясь с ним.

¹ — Кончай петь!.. Теперь выпьем за нашу победу.

² — Да здравствует победа! Да здравствует победа!

— Понятно! — говорит Соколов, поднимаясь и натягивая на себя лохмотья. Он идет к выходу.

Пленные смотрят ему вслед, провожая его на смерть.

* * *

Соколов идет по лагерному двору. Его сопровождают солдат и офицер.

Где-то горланит песню охрана. Доносится ритмичный припев:

Holla-ri, Holla-go..

В вышине раскинулось звездное небо. В это небо тянется высокая труба, поднимается клубящийся дым.

Голос Соколова. Вот и отмучился ты, Андрей Соколов, а по-лагерному — номер триста тридцать первый...

Он смотрит вверх, на звезды. И вдруг возникает когда-то давным-давно услышанная песня:

Ах, проводи меня домой
Полем небороненным,
Дроля мой, ах, дроля мой,
На сердце уроненный!..

В нее врывается чужой мотив:

Holla-ri, Holla-go...

Качнулось небо, чуть не упал вперед Соколов. Оборвался напев «Дроли», конвойный резко толкнул Соколова в спину.

Сышен уже только ликующий припев немецкой песни:

Holla-ri, Holla-go...

* * *

Сопровождающий Соколова офицер распахивает дверь в комендантскую. Соколова вводят в помещение.

В комендантской — цветы на окнах, чисто. В полстены портрет Гитлера. За столом — все лагерное начальство. Пять человек пьют шнапс, закусывают.

Из радиоприемника гремит голос диктора:

— Die sechste Armee, unterstützt von starken Luftwaffenverbänden, setzt ihre siegreiche Angriffsoperationen fort...¹

Возгласы офицеров:

— Prosit!²

— Auf uns're Waffen, meine Herr'n! Sieg heil!³

Соколов останавливается посредине комнаты. На столе — хлеб, сало, моченые яблоки, открытые банки с консервами. Соколов смотрит на еду. С трудом отрывается он взгляд от стола. Офицеры переглядываются с понимающей усмешкой.

¹ — Шестая армия, поддержанная мощными авиационными соединениями, продолжает свои победоносные наступательные операции...

² Застольный возглас.

³ — За наше оружие, господа! Да здравствует победа!

Прямо перед Соколовым за столом сидит Мюллер. Он играет пистолетом, перебрасывает его из руки в руку. Не мигая, смотрит на Соколова.

Тот вытягивает руки по швам, щелкает стоптанными каблуками, громко докладывает:

— Военнопленный Соколов Андрей по вашему приказанию, герр лагерфюрер, явился.

На лице Мюллера появляется недобрая улыбка. Он с интересом всматривается в Соколова.

— Так что же, русс Иван, четыре кубометра выработки — это много? — задает он вопрос.

— Так точно, герр лагерфюрер, много.

— А одного — тебе на могилу хватит?

— Так точно, герр лагерфюрер, вполне хватит. Даже останется.

Мюллер поднимается из-за стола, подходит к Соколову.

— Я окажу тебе великую честь: сейчас сам расстреляю тебя за эти слова,— говорит он.— Здесь неудобно, пойдем во двор.

— Воля ваша,— отвечает Соколов.

Он поворачивается налево кругом, направляется к двери.

Мюллер стоит, что-то обдумывая. Потом он бросает пистолет на стол, наливает полный стакан шнапса, берет кусочек хлеба, кладет на него ломтик сала, идет к Соколову, протягивает все это ему.

— Перед смертью выпей, русс Иван...

Соколов возвращается, берет стакан и бутерброд.

— ...за победу германского оружия! — заканчивает Мюллер.

Возгласы офицеров:

— Auf uns're Waffen, meine Herr'n!..

— Prosit!

— Prosit!

Офицеры чокаются, пьют.

Соколов стоит, держа в одной руке стакан со шнапсом, в другой — бутерброд. Ставит стакан на стол, кладет закуску.

— Благодарствую за угощение, но я не пьющий.

Мюллер смотрит на него, улыбается, оглядывается на своих.

— Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою погибель!

— За свою погибель и избавление от мук я выпью.

Соколов взял стакан и в два глотка осушил его. Ставит пустой стакан на стол. Немцы восхищенно глядят на него. Один офицер аплодирует.

Соколов аккуратно вытирает губы ладонью. Кладет нетронутый бутерброд на стакан.

— Я готов, герр лагерфюрер, пойдемте. Распишете меня.

Мюллер внимательно смотрит на него.

— Ты хоть закуси перед смертью.

— Я после первого стакана не закусываю,— отвечает Соколов.

С острым интересом вглядывается в него Мюллер. Снова наполняет стакан, протягивает пленному.

Соколов пьет.

Внимательно смотрит на него Мюллер.

Соколов ставит пустой стакан на стол.

Мюллер высоко поднимает брови.

— Ну, закусывай, закусывай. Не стесняйся!

— Извините, герр комендант, но я и после второго стакана не привык закусывать,— отвечает Соколов и кладет бутерброд на пустой стакан, на два шага отступает от стола. Стоит, выпрямившись, глядя на Мюллера.

— Ого! — Мюллер громко хохочет.

Смеются офицеры, двигают стульями, поворачиваются к Соколову, аплодируют. Заметно даже, что их взгляды, полные любопытства, несколько смягчаются.

Слышины возгласы:

— Ohne Fressen... eine ganze Flasche...¹

— Bravo!²

— Unerhört!.. Unerhört...³

Мюллер идет к столу, берет другую бутылку, снова наливает полный стакан, ставит на край стола. Садится за стол.

Возгласы офицеров:

— Ohne Fressen... ganze Flasche...

— Bravo!

— Unerhört!..

Стол, офицеры — все подернулось в глазах Соколова туманом. Все плывет куда-то в сто-

рону и вверх. Потом опять все проясняется, становится на место.

Соколову стоит больших усилий подойти к столу прямо. Он берет стакан. Начинает пить маленькими глотками, не отрывая стакана от губ.

Разинув рот, уставился на пленного офицер. У другого во взгляде явный страх. Присительно следит за Соколовым Мюллер.

Соколов допил стакан, поставил его на стол. Берет бутерброд, откусывает крошечный кусочек, весь остаток кладет обратно.

Мюллер поправляет у себя на груди два железных креста, выходит из-за стола. Очень серьезен его взгляд, вперившийся в Соколова.

Взрыв возгласов:

— Bravo!

— Bravo!..

Кто-то вскочил со стула. Офицеры хлопают в ладоши.

Резкий жест Мюллера,ластный окрик:

— Ruhe!⁴

Сразу становится тихо.

— Вот что, Соколов,— говорит Мюллер, подойдя вплотную к Андрею.— Ты — настоящий русский солдат. Я — тоже солдат. И уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге...

Вскакивает за столом офицер, поднимает бокал:

— Auf uns're Waffen, meine Herr'n!

¹ — Спокойно!

⁴ Судьба человека.

— Prost!

— Hoch!¹

— Это для нас большая радость,— продолжает Мюллер,— а потому я великодушно дарю тебе жизнь. Ступай в свой блок. А это тебе за смелость.— Он берет небольшую буханку хлеба, кусок сала, передает Соколову.

Соколов растерялся. Он обеими руками прижимает хлеб и сало к груди. Делает поворот налево кругом, идет к выходу.

По тому, как замедляет он шаг, приближаясь к двери, чувствуется, что он ожидает выстрела в спину.

Мюллер стоит за столом, провожает Соколова взглядом, машинально подбрасывая в руке пистолет. По выражению его лица нельзя понять, собирается ли он выстрелить.

У самого порога Соколов невольно на мгновение останавливается, поводит плечом и даже чуть поворачивает голову. Потом быстрым шагом идет дальше, проходит открытую дверь, идет по коридору.

* * *

Он выходит во двор. Ночное небо над лагерем. Соколов почти без сил прислонился спиной к стене.

Голос Соколова. И на этот раз смерть мимо меня прошла. Только холодком от нее потянуло...

Соколов идет по двору. Ему все труднее

удерживать равновесие — бросает из стороны в сторону. Он крепко прижимает к груди свою ношу.

Соколов переступает через порог барака.

Его руки прижимают к груди буханку хлеба и сало.

— Всем поровну! — успевает он выговорить и падает ничком на пол.

* * *

На столе разложены кусочки хлеба раз мером со спичечную коробку. На них лежат крошечные дольки нарезанного сала. Пленный взвешивает на самодельных весах эти микроскопические порции.

* * *

К вокзалу подводят колонну военнопленных. Среди них Соколов. Колонна идет мимо другой, в которой движутся люди в полосатой одежде.

На здании вокзала траурный флаг.

Седой старик пленный спрашивает:

— По ком это траур? Может, Гитлер подох?

Из колонны политических заключенных пожилой человек в полосатой одежде обращается. Его ясные глаза улыбаются.

— Это Волга,— говорит он.— Их разгромили там. Передай вашим...— Он сжимает кулак у бедра, не поднимая руки.— Ротфронт!..

4*

¹ — Урал

Голос Соколова. К этому времени наши уже своротили Германии скулу набок и фашисты уже перестали пленными брезговать. Меня определили работать в «Тодте» — была у них такая шарашкина контора по строительству дорог и оборонительных сооружений...

Обрывистый берег реки. У подземного укрепления за раскладным столиком сидит низенький, тучный, с животиком майор. Над его воротником висят три подбородка. Майор подкрепляется курицей.

Подъезжает легковая машина. Из нее выскакивает офицер, подбегает к майору, щелкает каблуками, прикладывает пальцы к козырьку фуражки.

— Untersturmführer Kleinschmitt meldet sich zur Stelle... — докладывает он. — Erlauben Sie vom Stab einen Brief zu übergeben...¹

Офицер передает пакет. Майор распечатывает конверт, отвечает:

— Abtreten...²

Голос Соколова. Возил я немца-инженера в чине майора армии...

Неподалеку от раскладного столика майора полулежит на земле Соколов.

Майор берет со столика кусок курицы, бросает его Соколову, окликает:

— Соколофф!

¹ — Унтерштурмфюрер Клейншмитт явился... Разрешите передать вам письмо из штаба...

² — Вы свободны...

Соколов ловит брошенную ему еду. Ест.

— Du schweigst zuviel, — замечает майор. — Ich kenne das russische Sprichwort¹: «Собака, которая лает, не кусается».

— Так точно! — отвечает Соколов.

— Ja-a... — сокрушенno тянет майор, жуя куриное мясо. — In diesem Fall solltest du nicht mit mir einer Meinung sein...²

Сыщен нарастающий гул самолетов. Майор смотрит на небо кричит:

— Fliegeralarm!.. Alarm!.. Volle Deckung!..³

Он вскакивает, быстро сворачивает лежавшую на столике карту, сует ее в портфель и, зажав портфель под мышкой, бросается в укрытие.

Бегут солдаты. Рвутся бомбы.

— Fliegeralarm!.. Volle Deckung!.. Fliegeralarm!..

Соколов прижался к земле. Вокруг разрывы бомб, змейки пулеметных очередей. Бомбы взрывают укрепления.

* * *

Асфальтированная дорога. Легковая машина останавливается у переезда через железнодорожный путь. Шлагбаум закрыт.

¹ — Ты слишком много молчишь. Я знаю русскую пословицу...

² — Да-а... В данном случае тебе не следовало бы соглашаться со мной...

³ — Воздушная тревога!.. Тревога!.. Все в укрытие!..

За рулем машины — Соколов. На заднем сиденье дремлет майор.

Проходит воинский эшелон. Везут фольксштурмистов. В вагонах, на платформах, едут старики, зеленые юнцы. Звучит песенка, которую при других обстоятельствах уже слышал Соколов:

Geh'n Sie weiter,
Geh'n Sie weiter!
Sie sind ja nur Gefreiter...
Ich lass' mich nur verführen
Von Unteroffizieren...

Но на этот раз нет в ней ни задора, ни легкости, поют ее вяло, словно по принуждению, вразброс; звучит она почти уныло, в растянутом ритме. И едва ли ни что-то похоронное появляется в более медлительном напеве:

Rosamunde,
Schenk mir dein Sparkassenbuch..

Эшелон прошел.

Шлагбаум поднят. Машина трогается с места.

* * *

У сохранившегося дома в разбитом городе машина останавливается.

Майор с портфелем под мышкой выходит из машины.

Вой сирен. Майор бросает испуганный взгляд на небо, спешно скрывается в подъезде.

* * *

Пустынная улица того же города. Соколов один едет в машине.

Навстречу, выписывая ногами кренделя, нелепо размахивая руками, бредет по тротуару пьяный унтер.

Осипшим голосом он пытается вывести бодрый мотив воинственной песни:

— Infant'rie! Du bist die Krone aller Waffen...¹

Унтер спотыкается, но удерживается на ногах. Затягивает с новой силой ту же песню.

Соколов озирается по сторонам, останавливает машину.

Пьяный унтер, держась за остаток стены руками, тоже останавливается.

Соколов выходит из машины, подходит к нему, достает из кармана сигареты, предлагает:

— Раухен?

Унтер уставился на Соколова совершенно пустыми глазами, что-то мычит. Соколов всовывает ему в рот сигарету, дает закурить.

Унтер опять пытается начать свою песню сначала. Соколов, быстро оглядывается вокруг, заговорщически подмигивает:

— Момэн!.. — И, обняв унтера за талию, ведет его за угол стены, в развалины.

Тот показывает в другую сторону, с трудом выговаривает:

— Dahin!..²

¹ — Пехота! Ты венец всех родов оружия...

² — Туда!..

— Halt!¹

Солдаты стреляют вдогонку уходящей машине.

Машина уже далеко. Она мчится напрямик по лугу, проносится мимо проволочных заграждений, лавирует между воронками, петляет, уходя от выстрелов.

Разрыв снаряда. Соколов низко пригнулся к баранке, машина виляет в сторону от разрыва. Она мчится к огромной воронке, зияющей впереди.

Сыплются вниз комья земли выхваченного колесом дерна: Соколов успел вывернуть машину под крутым углом. Машина мчится по самому краю воронки.

Теперь стрельба уже спереди. На ветровом стекле появляются четыре дырки от пуль. Соколов, пригнувшись так, что его едва видно за рулем, еще прибавляет скорость.

Впереди восходит солнце. Насквозь просвеченная его лучами надвигается березовая рощица. Машина врезается в молодую поросьль, резко останавливается.

Сразу — полная тишина. Из рощицы, из кустарника бегут к машине советские солдаты.

Соколов лежит, припав к земле. Над ним стоит совсем молодой солдат, скалит зубы в улыбке:

— Ага, чертов фриц, заблудился!..

Соколов поднимает голову.

— Милый ты мой губошлеп! Сынок доро-

гой! Какой же я тебе фриц, я же природный воронежец!..

Молодой солдат смотрит на него, вытаращив глаза, но автомат держит наготове.

Соколов вскакивает. Его уже окружили другие подбежавшие солдаты.

— В плену я был,— говорит им Соколов. В его голосе слезы. Он срывает с себя одежду гитлеровского унтера, швыряет себе под ноги немецкую пилотку.— Понятно?

На Соколова смотрят все окружавшие его солдаты.

— А сейчас,— говорит им Соколов, указывая на машину,— отвяжите этого борова, какой в машине сидит...

Бойцы бросаются к машине.

— Возьмите его портфель... — кричит им Соколов.

Солдаты выволакивают майора из машины.

Голоса:

— Портфель бери!

— Снимите шнур, а то задохнется...

Шею майора освобождают от телефонного провода, которым он был привязан.

— И ведите меня к вашему командиру,— заканчивает Соколов.

— Отведем, куда надо,— строго говорит сержант.

* * *

В блиндаже полковник и офицеры. Телефонист передает сообщение:

— Я «Урал». Я «Урал». Есть важные новости...

¹ — Стой!

Входит Соколов, останавливается перед полковником. У входа застывает конвойр, тот молодой солдатик, которого Соколов назвал «милым губошлепом». Соколов выбрит, пострижен, одет в свежую форму советского солдата. Он как будто помолодел. Но голова его втянута в ссутулившиеся плечи.

— Товарищ полковник, рядовой Соколов по вашему приказанию прибыл, — докладывает он.

Полковник подходит к нему, обнимает.

— Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец. Твой майор с его портфелем нам дороже двадцати «языков». Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к правительенной награде. А?

«Губошлеп» таращит глаза. До самых ушей расползается по его мальчишескому лицу сияющая улыбка.

У Соколова дрожат губы. Он с трудом произносит:

— Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть.

Полковник смеется, хлопает его по плечу.

— Да какой же из тебя сейчас вояка! Оборачивается к одному из офицеров.

— Отправить сегодня же в госпиталь.

— Слушаю, товарищ полковник, — отвечает офицер.

— Подлечат тебя там, — говорит полковник Соколову. — У тебя семья-то есть? Где она?

— В Воронеже!

— В Воронеже! А-а... После госпиталя —

домой, к семье, на месяц в отпуск. Ну вот. А когда вернешься к нам — посмотрим, куда тебя определить.

Благодарно смотрит на него Соколов.

— Иди отдыхай! — говорит полковник. Полковник и офицеры смотрят вслед уходящим.

* * *

По узкому окопу идет Соколов. Навстречу конвойр ведет пленного майора с забинтованной головой. Чтобы разминуться, приходится прижаться спинами к стенкам окопа. В упор встречаются взгляды майора и Соколова. Майор жует губами, сокрушенno вздыхает.

* * *

Товарный поезд подъезжает к остановке. На подножке вагона стоит Соколов. На груди у него орден Славы. Поезд движется мимо того места, где прежде была в Воронеже товарная станция, откуда провожала Соколова его семья. Здесь все разбито. Нет здания, исковеркана платформа.

Соколов, не дожидаясь остановки, на ходу соскакивает на землю. Он в начищенных сапогах. В руке у него вещевой мешок.

Быстро идет Соколов к городу.

В проломе стены висят искореженные буквы: «Воронеж».

Андрей идет среди развалин, по разрушенным улицам, ускоряя шаг.

Поворот на другую улицу. Навстречу мчится стайка ребятишек, разбрызгивая босыми ногами воду из лужи. Звенят их голоса:

— Сашка! Побежали на речку!..

— Обожди... Вовка отстает.

— Вовка! Вовка! Быстрей!..

Соколов свернулся за угол. Нога Андрея скользит, проваливается в яму с водой. Он застыл на месте.

И мы видим, что открылось взгляду Соколова: большая воронка. За нею вдалеке — завод.

Соколов бросается к тому месту, где когда-то стоял его дом.

Глубокая воронка налита ржавой водой. Кругом бурьян, крапива, груды щебня. Косо торчит из воды скворечник. Как бы плавает в стороне кровать. Глушь, кладбищенская тишина.

Соколов делает еще два-три шага вперед, подходит к самому краю ямы. Его сапог задевает высунувшийся из щебня край железной таблички. На табличке уцелели остатки надписи: «ул. Полевая...»

Андрей наклоняется, поднимает табличку, держит ее в руках.

* * *

Берег разлившегося Дона. На поваленном плетне сидит Соколов и случайный его собеседник.

Соколов расстегивает ворот гимнастерки.
— Давай, браток, перекурим. А то меня что-то удушье давит...

В блеклой синеве неба проплывают белые облака.

Ветерок лениво шевелит трепещущие листвой верхушки деревьев, стоящих в воде.

— Что же дальше? — негромко спрашивает Соколова незнакомец.

Глухо звучит голос Соколова:

— Дальше-то?..

* * *

За столом сидят Соколов и совсем постаревший, высохший Иван Тимофеевич. На столе две бутылки из-под водки, одна пустая, в другой осталось на донышке.

— В июне это было, — рассказывает Иван Тимофеевич. — В сорок втором году. Сильно он нас бомбил... От всей улицы, почитай, ничего не осталось... Ирина твоя и дочки как раз были дома... Ну, Анатолий-то на заводе работал... Вечером вернулся, конечно... Увидел... Перед уходом мне сказал — будет добровольцем проситься...

Соколов ударяет кулаком по столу,роняет голову на руки.

— Да уж не приснилась ли мне жизнь моя нескладная?...

— Ну, ну... так... так тоже нельзя, Андрюша! У всех горе, не у тебя одного... Кому и хуже пришлось... А ведь жить-то надо... Как-то надо, сынок, жить-то!..

Он всматривается в Соколова.

— Ты погоди... — старается он успокоить Андрея, — погоди... Тебе Анатолия найти надо... Ты погоди!. Вот отвоюемся, сына же-нишишь, сам при... при молодых поселишься... Ну, плотничать будешь и внучат нянчить... Ты погоди!..

Соколов поднимает на него глаза.

— А ведь я там... в плenу... каждую ночь... с ними разговаривал... Выходит, я два года... с мертвыми разговаривал?

— Ты вот что... ну, ты погоди... ты пого-ди, погоди... — Иван Тимофеевич по-стари-ковски суетливо мечтается по комнате. Тронул было гармонь, ту самую, на которой он иг-рал когда-то Андрею и Ирине. Ее всхлип заставил старика сразу оглянуться на Соко-лова. Иван Тимофеевич идет к сундуку, на котором стоит патефон. — Вот ведь как бы-ваает: племяш мой... думали, пропал. А он возьми и объявись. На побывку пришел по-ранению. Трофеев привез...

Иван Тимофеевич поднимает крышку па-тефона, крутит ручку. Вертится пластинка. Шипит игла.

Мягкий, вкрадчивый баритон поет танго «Донна Клара»...

Соколов, вначале недоумевая, поднимает глаза, морщит мучительно лоб. Проводит ру-кой по глазам.

Баритон поет. Андрей медленно подни-мается. Взгляд его неподвижен. Шипит игла, перескакивает. Баритон продолжает петь.

Соколов окаменел. Глаза его расширены.

Иван Тимофеевич испуганно смотрит на него.

Мощно вступает оркестр, повторяя первые такты танго.

Надвигаются расширенные темные глаза Соколова. Они во весь экран — огромные глаза. В мелодию танго врываются крики женщины, отчаянные вопли, детский плач.

Вертится пластинка. Соколов срывает ее с диска, поднимает над головой.

Оркестр продолжает греметь. Он гремит еще сильнее.

С размаху швыряет Соколов пластинку на пол.

* * *

Оглушительный удар. Взлетает в воздух фонтан земли от разрыва тяжелого снаряда.

Рвутся бомбы и снаряды. Залпы тяже-лых орудий. Огненные хвосты ракетных сна-рядов. Разбитая вражеская техника.

Летят боевые самолеты со звездами на крыльях. Идут танки. Стреляют огнеметы. Вперед устремляется пехота.

Улица большого города. Тротуары полны ликующими жителями. По мостовой проезжают советские танки с открытыми люками. Движутся бронемашины и грузовики с со-ветскими солдатами. С тротуаров их забра-сывают цветами.

За рулем одной из машин — Соколов. На машину падают цветы.

Голос Соколова. Вскорости и мне

блеснула радость, как солнышко из-за тучи.
Нашелся Анатолий, сынок нашелся...

Соколов читает письмо другому солдату:

— «...Попал я, поначалу в артиллерийское училище... И через год с отличием закончил его... Теперь имею звание капитана, командую батареей. Имею шесть орденов...»

— Сколько? — переспрашивает солдат.

— Шесть орденов, — повторяет Соколов, — и медалей!...

Он поднимает глаза от письма. Еще не было у него такого просветленного лица.

— Словом, обштопал родителя со всех концов, — улыбаясь, замечает солдат.

* * *

Спят солдаты в оставленном хозяевами особняке.

Соколов негромко читает тому же солдату письмо:

— «Теперь имею звание капитана, командую батареей!... — Вслух размышляет. — Ведь как ни крути, а мой родной сын — капитан и командир батареи... Это не шутка!.. — шепотом говорит он уже засыпающему солдату.

Лицо его не покидает счастливая улыбка.

Солдат, которому он читал письмо, засыпает.

— Война-то кончается... — говорит Соколов. — Вернемся с Анатолием... Женю его... Жить вместе будем.. А как же! Внучат нянечить буду... опять же — по плотницкому де-

лу... Математик... Анатолий-то!.. Откуда у него проявился такой огромадный талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю.

Он оглядывается, видит, что солдат уснул.

В окно врывается свет прожекторов. За окном, совсем близко, вспыхивает оглушительная пальба. Протяжный крик: а-а-а!..

— В ружье! — кричит кто-то.

Соколов выбегает вместе с другими солдатами наружную лестницу.

По небу пляшут лучи прожекторов. Грохот пальбы. Крики «ура». Солдаты стреляют вверх из винтовок и автоматов. Многие цеплются, обнимают друг друга.

Лицо солдата, поднявшего винтовку. Он кричит:

— По-бе-да-а!..

* * *

Ясный солнечный день. Радостный шум общего праздника.

Во дворе солдаты — и среди них Соколов — подняли кружки с вином, чокаются.

К Андрею протискивается посыльный.

— Соколов, к командиру роты! — говорит он.

Соколов проверяет заправку, подтягивая пояс, идет вслед за посыльным.

* * *

В комнате командир роты и артиллерийский офицер.

Входит Соколов.

— Рядовой Соколов по вашему приказанию...

Командир роты жестом останавливает его. Показывает на артиллерийского офицера:

— К тебе, Соколов... — и отворачивается к окну.

Артиллерийский офицер подходит к Андрию, смотрит ему прямо в глаза. Где-то за окном слышна песня.

Мучительно тревожен взгляд Соколова.

— Мужайся, отец! — тихо говорит офицер. — Твой сын, капитан Соколов...

* * *

Вместе с музыкой реквиема надвигается на нас длинное бетонированное шоссе, окаймленное с обеих сторон высокими деревьями. Едет открытая легковая машина. На заднем сиденье — Соколов и артиллерийский офицер.

Суровые, неподвижные лица выстроившихся солдат.

В гробу, обитом красным бархатом, лежит плечистый красивый молодой капитан.

Медленно приближается Соколов. Он целует сына и отходит в сторону.

Солдаты смотрят на Анатolia, прощаясь со своим командиром. Плачет девушка в военной форме.

Стоит, глядя на сына, Соколов. Ни слезинки в его глазах, будто присыпанных пеплом.

Залп батареи.

* * *

Скромный памятник. Надпись:

«КАПИТАН СОКОЛОВ А. А.
1924—1945».

Памятник медленно отдаляется.

* * *

Улицы Берлина. На зданиях вывешены белые флаги. Пробегающие солдаты кричат «ура!». Танки идут с открытыми люками. Люди, высыпавшие на улицу, радостно машут руками, бросают цветы.

Мимо движется колонна пленных гитлеровцев.

В открытой машине едут Соколов и артиллерийский офицер. Кругом праздничные толпы. Машина с трудом продвигается по запруженной людским потоком улице.

Голос Соколова. Похоронил я в чужой немецкой земле последнюю свою радость и надежду... И словно что-то во мне оборвалось... Куда же мне теперь? В Воронеж? Ни за что!

* * *

Вывеска: «Чайная Урюпинского РПС».

Из чайной выходят люди. Неподалеку от крыльца куры разгребают землю, поклевывают валяющиеся арбузные корки.

С кудахтаньем, трепыхая крыльями, куры

разбегаются в разные стороны. Их отпугнул маленький оборвыш. Он схватил арбузную корку.

У раскрытоого окошка чайной сидит за столом Соколов. Перед ним стограммовый стаканчик, кусок селедки, корка черного хлеба. Он видит, как мальчишка обгрызает арбузную корку, как с крыльца сходит шофер, проходит мимо оборвыша, дает ему булку. Мальчик сразу принимается за нее, не выпуская из другой руки арбузную корку.

Соколов встает, идет к выходу. Останавливается на крыльце.

— Эй, Ванюшка! — окликает он.— Как сегодня дела?

Оборвыш показывает ему булку.

— Вот!

Внезапно мальчик подбегает сбоку к крыльцу, кладет кулаки с зажатой в них едой на край крыльца и тихо говорит:

— А откуда вы знаете, дядя, что меня Ваней зовут?

Широко раскрыв глаза, ждет ответа. Лицо у него в арбузном соку, покрыто пылью; торчат нечесанные вихры. Глазенки — как две промытые дождем звездочки.

Соколов стоит на крыльце.

— Я человек бывалый. Все знаю.

Он идет к грузовой машине, садится за руль, оглядывается.

Мальчишка в той же позе, повернув голову, смотрит ему вслед. Ветер треплет выгоревшие на солнце вихры.

* * *

Ночь. Комната, где живет Соколов. У стены застеленная кровать. От окна к двери, от двери к окну ходит по комнате Андрей.

* * *

Грузовик Соколова подъезжает к двору чайной. У крыльца сидит на бочке Ванюшка, болтает босыми ногами.

Соколов высовывается из кабины, зовет:
— Ванюшка!

Мальчик вздрогивает, оглядывается.

— Садись скорее в машину. Прокачу на элеватор...

Ванюшка соскакивает с бочки, бежит к Соколову. Вскарабкивается на подножку машины, смотрит на Соколова. Андрей кивает на другую дверцу.

— А оттуда вернемся сюда, пообедаем... Ну, быстро!

Ванюшка обегает вокруг машины. Соколов открывает дверцу, помогает ему взобраться.

— Оп! Ну, вот... — говорит Соколов.

Ванюшка усаживается. Они едут по пыльной дороге: Соколов за рулем, рядом мальчик.

Ванюшка притих, нет-нет да и взглянет на Соколова из-под длинных, загнутых кверху ресниц, вздохнет.

— Где же твой отец, Ваня? — спрашивает Соколов.

— Погиб на фронте,— шепчет Ванюшка.

— А мама?

— Маму убило бомбой. Когда мы ехали в поезде.

— А откуда вы ехали?

— Не знаю. Не помню...

Они едут молча. Соколов курит папиросу, стряхивает пепел в окно.

— И никого у тебя тут родных нету?..

— Никого.

Опять едут молча.

— А где жы ты ночуешь?

— А где придется.

Соколов сильно затягивается, гасит папиросу о край окошка, бросает. Наклоняется к Ванюшке, тихо спрашивает:

— Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?

Ванюшка замер, смотрит на него, еле слышно откликается:

— Кто?

Так же тихо отвечает Соколов:

— Я — твой отец.

Ванюшка кидается ему на шею, целует в щеки, в губы, в лоб. Звонко, так, что звенит в ушах, кричит:

— Папка... родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь!.. Все равно найдешь!.. Я так долго ждал... когда ты меня найдешь! Родненький... папка!

Все затуманилось в глазах Соколова. Большие темные руки, лежащие на барабанке, трясутся.

Машину виляет из стороны в сторону, съезжает в кювет, мотор глухнет.

Тишина. Только звон кузнецов.

Ванюшка, прижалвшись к Соколову, весь дрожит, будто травинка под ветром. Обняв мальчика правой рукой, Соколов прижимает его к себе.

Зашумел включенный мотор. Грузовик круто разворачивается и едет обратно.

* * *

У ворот останавливается грузовик. Из кабины выходит Соколов. Он берет своего нового сынишку на руки, несет в дом.

В коридоре их встречает хозяйка. Обняв ее Андрея обеими руками, Ванюшка не отрывается от него. Соколов подмигивает, говорит нарочито бодрым голосом:

— Вот, дорогие мои хозяева, и нашел я своего Ванюшку!..

— Батюшки-светы... — охнула хозяйка.

— ...Нашел своего сынка.

Хозяйка оборачивается, зовет мужа:

— Петя!..

Соколов с Ванюшкой и хозяйкой входят в комнату.

— Принимайте нового жильца! — говорит Соколов.

— Нашел сынка... — объясняет хозяйка мужу.

Мужчины — двое взрослых и один маленький — сидят за столом. Старшие едят. Хозяйка у печки наливает в тарелку суп, подает Ванюшке. Он с жадностью набрасывается на еду.

Хозяйка, глядя на него, заливается слезами. Она отвернулась к печке, плачет, уткнув лицо в передник.

Ванюшка, оторвавшись от еды, обернулся к ней.

— Тетя! Зачем же вы плачете? Папа нашел меня, тут всем надо радоваться...— Он продолжает есть.— А вы плачете...

Плечи женщины еще сильнее вздрогивают от рыданий.

* * *

Ночь. В окошко светит полная луна. На подушке рядом головы Соколова и Ванюшки. Оба еще не спят. Соколов косится на Ванюшку. Мальчик широко раскрытыми глазами смотрит в потолок.

— Папка... а куда ты свое кожаное пальто дел?

Соколов внимательно всматривается в него.

— В Воронеже осталось.

— А почему ты так долго меня искал?

— Я тебя, сынок, и в Германии искал, и в Польше, и всю Белоруссию прошел и проехал... А ты в Урюпинске оказался...

У Ванюшки смыкаются глаза.

— А Урюпинск— ближе, чем Германия?..

— Ближе, сынок, ближе, гораздо ближе... Ну спи, спи, милок!

Подложив руки под щеку, устроившись поудобнее, спит мальчик. В неспокойном сне Соколов перекатывает голову по подушке.

Ближе придвигается окно. Полная луна освещает улицу. Наползает просвеченный луной туман.

Туман тает. Луна освещает поле. Идет по полю Соколов, навстречу ему Ирина. В глубине у горизонта — взрыв.

Андрей видит совсем близко Ирину, рядом с нею — двух дочек, Анатолия, каким видел его в последний раз еще в Воронеже. В лунном свете их фигуры кажутся легкими. Движения их неторопливы. Они не идут, а точно скользят, плывут. Глухие взрывы и черные всплески земли отделяют Соколова от его родных.

Видение тает. Остается один Анатолий. Уходит и он. Во весь экран возникает лицо Ванюшки. Не по-детски серьезен его взгляд.

— Ты мне правду сказал? — спрашивает он.

Луну закрывает облако. Все меркнет.

В окно спокойно льется лунный свет. Соколов спит, по щеке его скатывается крупная слеза.

Рядом мирно спит Ванюшка.

* * *

На берегу Дона Ванюшка бросает камешки в реку. На поваленном плетне сидят Андрей Соколов и человек, которому он рассказал свою жизнь.

Соколов гасит докуренную цигарку.

— Все это, браток, ничего бы,— говорит он,— как-нибудь мы с ним прожили бы, да

вот сердце у меня раскачалось, поршня надо менять... Иной раз так схватит и прижмет, что белый свет в глазах меркнет. Боюсь, что когда-нибудь во сне помру и напугаю своего сынишку...

Подбегает Ванюшка, тянет его за руку.

— Папка, пошли!..

Соколов неторопливо встает.

Ванюшка поднимает глаза на отца.

— Папка, а я с тебя вырасту?

— Непременно вырастешь.

— Когда?

— Да вот хоть сейчас! — Соколов хватает мальчика, высоко поднимает на вытянутых руках. Усмехается.— Ну, как?

— Эх, какой хитрый! Так-то — скоро...

Соколов опускает Ванюшку на землю.

— Ну вот, пока таким способом.— Вскидывает за плечо вещевой мешок. Протягивает руку незнакомцу.— Ну, браток... Счастливо тебе.

— И тебе счастливо,— прощаясь с ним, отвечает тот. Наклоняется к мальчику.— Будь здоров, сынок.

Соколов и Ванюшка уходят по дороге вдоль берега. Ванюшка оборачивается, машет рукой.

Машет ему рукой незнакомец, стоящий у поваленного плетня, долго смотрит вслед.

Все дальше и дальше Ванюшка и Соколов.

Возникает надпись:

«...И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, вы-

дюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина.

М. ШОЛОХОВ»

Величаво движется мутная, бурая гладь разлившегося Дона. Стоят затопленные рекой деревья. Над весенним половодьем плывут высоко в небе белые облака.

Дорога, тянущаяся вдоль берега, под меловым обрывом. Впереди можно различить причаливающий паром, скопление людей у переправы.

К ним приближаются две уже совсем маленькие фигурки: мужчины в ватнике и мальчика.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

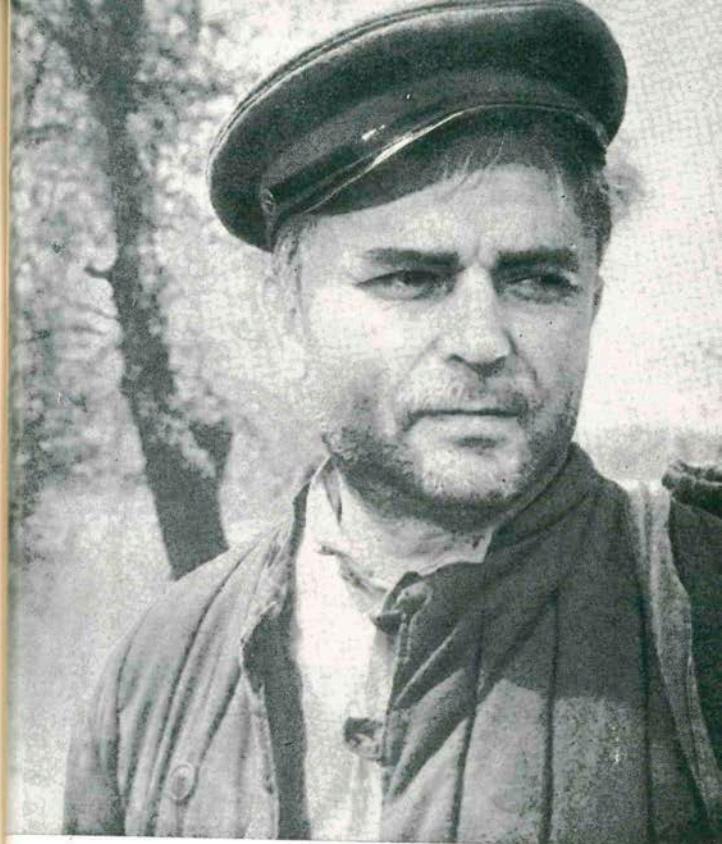
Фильм по сценарию Ю. Лукина и Ф. Шахматонова «Судьба человека» (экранизация одноименного рассказа М. Шолохова) поставлен на киностудии «Мосфильм» в 1959 г.

Режиссер-постановщик — С. Бондарчук. Оператор — В. Монахов. Художники — И. Новодережкин, С. Воронков. Композитор — В. Баснер. Звукооператор — Ю. Михайлов.

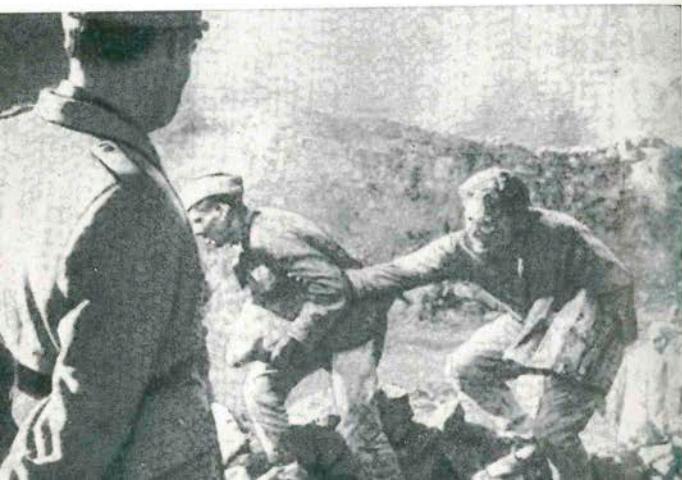
РОЛИ ИСПОЛНЯЮТ:

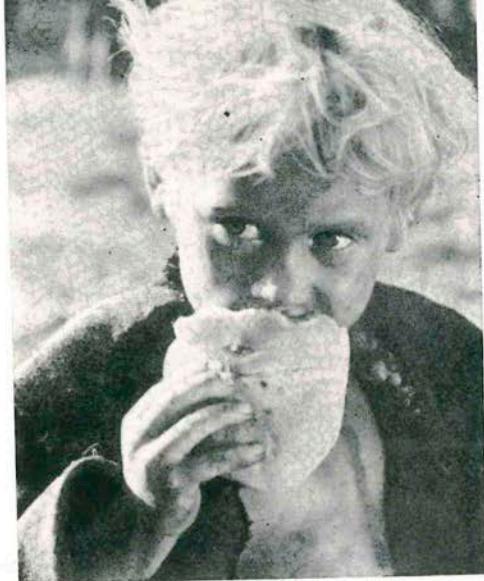
Соколов — С. Бондарчук, Ванюшка — Павлик Борискин, Ирина — З. Кириенко, Иван Тимофеевич — П. Волков, Мюллер — Ю. Аверин, немецкий майор — К. Алексеев. В эпизодах: П. Винников, К. Тетерин, А. Чемодуров, А. Новиков, Л. Борисов, В. Маркин, Е. Кудряшов, А. Кузнецов, В. Иванов, П. Савин, Е. Мельникова, В. Березко, Н. Апарин, Н. Печенцов, А. Пунтус, Г. Шаповалов, В. Стрельников.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

*Юрий Борисович Лукин
и Федор Федорович Шахманогов*

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Редактор *О. Тихомиров*

Оформление художника *Л. Витте*
Художественный редактор *Г. Александров*

Технический редактор *Е. Рейзман*

Корректор *Р. Панфилова*

Подп. в печ. 17/III 1962 г. Сдано в производство 28/III 1962 г.

По оригинал-макету

Форм. бум. 70×90 $\frac{1}{32}$. Печ. л. 3,44 (условных 4,02). Уч. изд. л. 3,77

Тираж 13 000 экз. Изд. № 15416. Зак. 264. А01248

«Искусство», Москва И-51, Цветной бульвар, 25

Московская типография № 8

Управления полиграфической промышленности

Мосгорсовнархоза

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Цена 20 коп.

в «Комсомольской правде» и в «Правде». После войны Ю. Лукин опубликовал ряд статей по вопросам литературы, театра и кино в газетах, журналах, сборниках. В издательстве «Советский писатель» вышли его книги о творчестве М. А. Шолохова, А. С. Макаренко.

Первая работа для кинематографа — сценарий «Судьба человека», написанный вместе с Ф. Шахматоновым. В том же соавторстве позже был написан сценарий трехсерийного фильма «Поднятая целина».